

ПОСЛЕДНЯЯ ЛИНИЯ

ПЕРЕПИСЫВАТЕЛИ СУДЬБЫ

КИРИЛЛ АСТЕР

Кирилл Астер

Последняя линия

<https://litres.ru/73986941>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда линии судьбы начинают стремительно переплетаться и мир оказывается на грани глобальной катастрофы, становится ясно: события достигли точки, где любое вмешательство уже недостаточно. Будущее рухнет не из-за одной ошибки, а из-за накопленного хаоса изменений.

Денис, Катя и Матвей — каждый из них когда-то пытался переписать судьбы, исправить прошлое и предотвратить трагедии. Теперь их способности, которые прежде казались даром, становятся частью общей проблемы. Линии времени сходятся в один критический узел, и становится очевидно: если никто не возьмёт на себя ответственность, катастрофа неизбежна.

Кирилл Астер

Последняя линия

Глава 1. Предвестие катастрофы

Ночь пришла не как тишина, а как предупреждение.

Сначала её услышала София.

Она проснулась резко, будто кто-то невидимый коснулся её плеча ледяной ладонью. В комнате было темно, лишь слабый свет уличного фонаря полосой ложился на пол. Но дело было не в темноте. Дело было в звуке.

Где-то далеко, за пределами стен, за пределами города, за пределами, казалось, самого мира, что-то трещало.

Не гром.

Не землетрясение.

Не ветер.

Словно сама реальность натягивалась до предела и начинала рваться.

София села на кровати, тяжело дыша. Перед глазами ещё стояло видение: огромная сеть из светящихся линий судьбы, охватывающая землю, континенты, города, людей, — и в одном месте эта сеть почернела, словно её обожгли изнутри. Потом трещина пошла дальше. Быстро. Неудержимо. И там, где она проходила, гасли огни городов, рушились мосты,

вздымались волны, а в небе разрасталась багровая трещина.

И среди этого ужаса она увидела одно лицо.

Алексей.

Не герой в сиянии.

Не воин.

Не маг.

Просто человек, стоящий в центре разрушенного мира, и вокруг него — пустота. Ни одной линии судьбы.

София прошептала:

— Нет... Только не это...

Воздух в комнате дрогнул. На столе сам собой вспыхнул маленький огонёк свечи, хотя никто её не зажигал.

— Ты тоже это видела? — раздался знакомый голос.

София резко обернулась. У окна, прислонившись к стене, уже стоял Лев. Будто вышел из тени.

— Ты?.. Как ты здесь оказался?

— Не спрашивай, — мрачно сказал он. — Скажи лучше, ты видела трещину?

София медленно кивнула.

— И Алексея.

Лев опустил взгляд.

— Значит, не только я.

Несколько секунд они молчали. За окном был обычный город: редкие машины, желтоватые окна, далёкий лай соба-

ки. Но теперь это всё казалось хрупким, как декорация, которую может снести первый же порыв невидимой силы.

— Что это было? — спросила София. — Видение? Предупреждение? Или уже начало?

Лев сжал кулаки.

— Хуже. Это было будущее, которое почти решено.

— Почти?

— Почти, — повторил он. — А значит, ещё есть шанс.

Он не договорил, потому что в тот же миг воздух в комнате словно свернулся внутрь себя, и на стене вспыхнули десятки тонких серебристых линий. Они переплелись, образуя карту. Не страны. Не мира. А связей.

Людей.

И каждая линия вела к одному и тому же узлу.

К Алексею.

В другом городе Марта проснулась с криком.

Она редко кричала. За годы жизни среди теней она научилась сдерживать страх, прятать эмоции, не выдавать ни мысли, ни дрожь в голосе. Но сейчас её будто выдернули из самой глубины кошмара.

Она стояла посреди пылающего города. Тени металась по стенам небоскрёбов, словно живые. Люди бежали, сталкивались, исчезали в клубах чёрного дыма. Над городом висел разлом в небе — не облако, не дым, а зияющая рана, сквозь

которую просачивался холодный белый свет.

И чей-то голос произнёс:

«Если никто не возьмёт ответственность, мир выберет разрушение».

Марта открыла глаза и сразу потянулась к ножу под подушкой — старый рефлекс. Но вместо опасности снаружи она ощутила другое.

Зов.

Её зеркало у стены потемнело, поверхность задрожала, как вода. В отражении вместо комнаты она увидела лицо Тихона.

— Марта, — сказал он без приветствия. — Скажи, что ты тоже это видела.

Она поднялась с кровати.

— Если ты о конце мира, то да.

— Хорошо. Значит, я не сошёл с ума.

— Это не то, что я назвала бы хорошей новостью.

Тихон нервно усмехнулся, но в его глазах смеха не было.

— Собирайся. Нужны все.

— Все? — переспросила Марта. — Даже те, кто давно идёт своими дорогами?

— Особенно они.

Она прищурилась.

— Кто в центре видения?

Тихон некоторое время молчал, будто сам боялся произнести имя.

— Алексей.

Марта замерла.

— Человек без линии судьбы?

— Да.

— Тогда дело хуже, чем я думала.

— Намного хуже, — тихо ответил Тихон. — Потому что на этот раз переписать ничего не получится.

Анна находилась в лаборатории, когда экраны погасли одновременно.

Сначала она решила, что это скачок напряжения. Потом — что кто-то атаковал сеть. Но через секунду все мониторы зажглись вновь, и на каждом появился один и тот же график: линия, резко падающая вниз. Ни подписи, ни координат, ни единиц измерения. Только красная кривая, уходящая в ноль.

А затем поверх неё появилась надпись:

СИСТЕМНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ РЕАЛЬНОСТИ:

12%

Анна медленно поднялась.

— Это чья-то шутка? — сказала она вслух.

За её спиной раздался голос Игоря:

— Боюсь, нет.

Она резко обернулась. Он стоял у двери, уставший, с тенью бессонной ночи на лице, и держал планшет, на котором мигали десятки расчётов.

— Ты как сюда вошёл?

— Дверь была открыта.

— Я её закрывала.

— Значит, сегодня не только законы физики решили нас подвести.

Анна подошла к нему.

— Что у тебя?

Игорь молча протянул планшет. На экране — вероятностные модели, графики, диаграммы. В обычной ситуации она разобралась бы за секунды. Но сейчас взгляд цеплялся только за одно: в каждом сценарии линия будущего обрывалась.

— Это невозможно, — прошептала она.

— Согласен, — сказал Игорь. — Но математика сегодня очень настойчива.

— Причина?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Узел неопределённости. Человек, не встроенный в систему судьбы. В моих расчётах он то исчезает, то появляется. Как переменная, которой не должно существовать. Но именно вокруг неё всё и держится.

— Алексей.

Игорь кивнул.

Анна медленно выдохнула.

— Кто ещё знает?

— Уже знают. Или скоро узнают. Такое предупреждение не приходит одному.

— И что дальше?

— Дальше? — Игорь горько усмехнулся. — Дальше мы впервые попробуем спасти мир без уверенности, что знаем, как он устроен.

Ли́ка увидела катастрофу на холсте.

Она даже не собиралась рисовать. Кисть сама упала ей в руку, пальцы начали двигаться быстрее мысли. Через несколько минут белое полотно было исполосовано красным, чёрным, золотым. В центре — круг из фигур. Герои. Все, кого она знала. Все, кто однажды уже менял судьбы людей, городов, миров.

А над ними нависала гигантская тень, составленная не из тьмы, а из отсутствия будущего.

Ли́ка отступила на шаг.

— Нет... — прошептала она. — Нет, это не картина. Это зов.

На краю холста вдруг проступила новая фигура — мужчина, прорисованный особенно резко. Алексей. Вокруг остальных тянулись тонкие, цветные линии, у него — ничего.

Пустота.

Но именно из этой пустоты в разные стороны расходились трещины, будто всё полотно рвалось от его присутствия.

Дверь мастерской распахнулась без стука.

— Я знал, что найду тебя здесь, — сказал Матвей.

Лица вздрогнула.

— Предупреждать надо.

— Не было времени.

Он подошёл к картине и замолчал. Лицо его стало жёстким.

— Ты тоже видела?

— Не видела. Нарисовала.

— Это одно и то же.

— Нет, — тихо сказала Лица. — Когда я вижу, у меня есть шанс ошибиться. Когда я рисую — шанс почти исчезает.

Матвей медленно провёл взглядом по холсту.

— Значит, всё действительно началось.

— Кто уже собирается?

— София, Лев, Тихон, Марта, Анна, Игорь... Думаю, и остальные получили знак.

Лица обернулась к нему.

— А Алексей знает?

Матвей нахмурился.

— Не уверен.

— Тогда у нас очень мало времени.

— Почему?

Лица указала на центр картины.

— Потому что здесь он ещё жив.

Павел услышал предупреждение на поле боя, которого не

существовало.

Он стоял один среди тумана. Вокруг не было ни армии, ни врага, ни командиров. Только бесконечная равнина, усыпанная старыми знамёнами. И каждое знамя медленно опускалось в землю, как будто сама история отказывалась продолжаться.

— Это не война, — сказал он в пустоту. — Это капитуляция.

В ответ раздался голос Дениса:

— Именно.

Павел обернулся. Денис шёл к нему через туман — спокойно, почти слишком спокойно для человека, чьё прошлое было полно боли, ошибок и искупления.

— Ты тоже здесь? — спросил Павел.

— Если это сон, то очень навязчивый. Если нет — ещё хуже.

Павел посмотрел на него пристально.

— Что ты видел?

— Мир, в котором никто не решился сделать выбор.

— И что случилось?

Денис остановился рядом.

— Всё рухнуло не потому, что кто-то сделал зло. А потому, что все ждали, что ответственность возьмёт другой.

Павел опустил голову.

— Это похоже на правду.

— Ещё я видел Алексея.

— Без линии?

— Да.

— Тогда он не просто часть катастрофы, — сказал Павел.

— Он её точка перелома.

Денис кивнул.

— Или точка спасения.

Туман начал рассеиваться. Вместо него впереди проступали контуры старого здания с высоким куполом.

Павел прищурился.

— Это место встречи?

— Думаю, да.

— Кто нас туда зовёт?

Денис посмотрел в пустое небо.

— Похоже, сам мир.

Алексей в это время ничего не видел.

Ни кошмара.

Ни трещин.

Ни линий.

И именно это пугало сильнее всего.

Он сидел на кухне с чашкой остывшего чая и смотрел в окно, где начиналось серое утро. Всё было странно тихо. Слишком тихо. Как бывает перед грозой, которую пока ещё не вид-

но, но уже чувствуешь кожей.

В последние дни он всё чаще ловил себя на ощущении, будто вокруг что-то меняется. Люди на улице иногда вдруг оборачивались, словно слышали его мысли. Часы дома начинали отставать или забегать вперёд. Незнакомые собаки не лаяли на него, а замирали, глядя с почти человеческой настороженностью.

Он провёл рукой по лицу.

— Прекрасно, — пробормотал он. — Либо я схожу с ума, либо мир начал вести себя ещё страннее.

В дверь постучали.

Не позвонили.

Не ударили кулаком.

Именно постучали — три ровных, точных удара.

Алексей насторожился и подошёл к двери.

— Кто там?

— Свои, — ответил женский голос.

Он открыл дверь и увидел Катю. За её спиной стояли Марина и Игорь.

— Это уже выглядит как плохая новость, — сказал Алексей.

Катя попыталась улыбнуться, но не смогла.

— Можно войти?

— После таких лиц обычно не спрашивают.

Они вошли. Игорь сразу подошёл к окну, словно проверяя, нет ли снаружи слежки. Марина осталась у двери, тревожно перебирая пальцами край рукава.

Алексей перевёл взгляд с одного на другого.

— Ладно. Объясняйте.

Катя сказала первой:

— Сегодня ночью все увидели одно и то же.

— Все — это кто?

— Все, кого ты когда-либо встречал на этом пути.

— Уже звучит ужасно, — заметил Алексей.

Марина тихо добавила:

— В видении был конец. Не одного города. Не одной страны. Всего.

Алексей усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— И, конечно, я там тоже был?

Никто не ответил сразу.

Этого молчания оказалось достаточно.

— Понятно, — сказал он. — Значит, я проблема.

— Нет, — резко возразил Игорь. — Ты не проблема. Ты неизвестная переменная.

— Отличное утешение.

Катя шагнула ближе.

— Алексей, послушай. Мы не знаем всего. Но знаем одно: если ничего не делать, катастрофа случится.

— И что вы от меня хотите?

Марина подняла взгляд.

— Чтобы ты поехал с нами.

— Куда?

— К остальным.

— Зачем?

На этот раз ответила Катя:

— Потому что ты единственный человек, которого судьба не прописала. А значит, только ты можешь сделать выбор, который не был предрешён.

Алексей долго смотрел на неё.

— Иными словами, весь мир решил положиться на человека, у которого даже собственной линии нет?

Игорь сухо сказал:

— С точки зрения логики это абсурдно.

— Спасибо, Игорь.

— Но с точки зрения вероятности, — продолжил он, — это наш лучший шанс.

Алексей взял чашку, сделал глоток холодного чая и скривился.

— Ненавижу моменты, когда звучит как бред, а выглядит как правда.

Катя подошла ещё ближе.

— Ты пойдёшь?

Он посмотрел в окно. Серое небо вдруг на секунду прорезала тонкая белая вспышка. Не молния. Слишком ровная. Слишком высокая.

Трещина.

Совсем маленькая.

Почти незаметная.

Но настоящая.

Алексей медленно поставил чашку на стол.

— У меня есть выбор?

Марина ответила тихо, но твёрдо:

— Есть. В этом и весь смысл.

Он закрыл глаза на секунду, будто прислушиваясь к самому себе.

— Тогда я пойду.

Место встречи находилось за пределами карт и обычных дорог.

Старое здание с куполом стояло на равнине, которой не существовало ни в одной стране. Оно появлялось только тогда, когда нужно было собрать тех, чьи судьбы касались большего, чем личная жизнь. Тех, кто однажды уже вмешался в ход вещей и заплатил за это свою цену.

Один за другим герои входили в круглый зал.

Сначала София и Лев.

Потом Анна и Игорь.

Затем Марта, Тихон, Лика, Матвей.

Чуть позже — Павел и Денис.

Следом — Марина, Катя и Алексей.

Каждый, переступая порог, невольно замедлял шаг.

В центре зала над каменным полом висела огромная прозрачная сфера. Внутри неё пульсировала карта мира, но не географическая. Это была карта линий судьбы. Миллиарды тончайших нитей света тянулись, переплетались, вспыхивали, гасли.

И в самом центре этой сияющей вселенной зияла пустота.

Не тьма.

Не свет.

Отсутствие.

Алексей остановился.

— Это я, да?

— Да, — ответила София.

Он долго смотрел на сферу.

— Выглядит не слишком обнадёживающе.

Лев подошёл ближе к сфере.

— Хуже другое. Все линии мира сейчас сходятся к этой точке. Если узел разорвётся, начнётся цепная реакция.

— А что вызовет разрыв? — спросил Павел.

Ответ пришёл не от человека.

Сфера вздрогнула, и по залу прошёл низкий, глубокий звук, похожий на голос камня.

— **ОТКАЗ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.**

Все замерли.

Тихон первым нарушил тишину.

— Это что, шутка мира? Он теперь говорит с нами загадками?

Сфера вспыхнула сильнее.

— **КАТАСТРОФА НЕ РОЖДАЕТСЯ ИЗ ЗЛА. ОНА РОЖДАЕТСЯ ИЗ БЕГСТВА ОТ ВЫБОРА.**

Денис мрачно усмехнулся.

— Очень похоже на правду.

Анна подняла голову.

— Конкретнее можно? Что именно должно произойти?

На этот раз в сфере начали возникать образы.

Города.

Океаны.

Толпы людей.

Разрушенные мосты.

Небо, расколотое белыми трещинами.

А затем — герои. Все они. Стоящие поодиночке. Каждый

в момент, когда мог вмешаться... и не сделал этого.

София сжала пальцы.

— Нет...

Марта прошептала:

— Это не про силу. Это про решение.

— Именно, — сказал Игорь. — Система рушится не от внешнего удара, а от внутренней пустоты. Когда слишком многие, способные действовать, выбирают отступление.

Лица медленно повернулась к Алексею.

— Но почему ты?

Он развёл руками.

— Поверь, мне самому очень хотелось бы знать.

Матвей, до этого молчавший, сказал негромко:

— Потому что у всех нас есть линии. Прошлые. Предопределённые связи. Последствия. Мы встроены в узор. А он — нет.

Павел нахмурился.

— Значит, только он может сделать по-настоящему свободный выбор.

— Да, — сказала Катя. — И только такой выбор мир сейчас примет.

София посмотрела на Алексея так, будто впервые увидела не просто человека, а дверь, за которой стояло неизвестное.

— Тогда нам нельзя ошибиться.

Алексей усмехнулся краем губ.

— Прекрасно. Никогда не мечтал услышать, что от моего

решения зависит судьба мира.

— Боишься? — тихо спросила Марина.

Он повернулся к ней.

— Конечно боюсь.

— Это нормально, — сказал Лев.

— Нет, — Алексей медленно обвёл взглядом всех собравшихся. — Ненормально другое. Почему именно я должен что-то решать за весь мир?

Молчание в зале стало тяжёлым.

Потом Денис ответил:

— Ты не должен решать за мир. Ты должен решить, готовы ли не убежать.

Эти слова ударили точнее любого обвинения.

Алексей опустил взгляд.

Сфера дрогнула вновь. На карте мира появилась новая трещина — тонкая, сверкающая, как лёд под солнечным светом. Но она росла. Медленно. Неумолимо.

Анна резко сказала:

— У нас мало времени.

Игорь уже смотрел в свои расчёты.

— Меньше, чем я думал. Процесс начался.

— Тогда что мы делаем? — спросил Тихон.

Лев шагнул в центр круга.

— Сначала выясним, что именно нельзя переписать.

— А потом? — спросила София.

Он посмотрел на каждого из них по очереди.

— А потом решим, что из этого мы готовы принять... и за что готовы отвечать.

В этот момент купол здания содрогнулся.

Снаружи прогремело так, будто само небо расколосось на-
двое.

Все подняли головы.

По внутренней стороне прозрачного купола медленно расползалась белая трещина.

Первая.

Но явно не последняя.

Алексей смотрел на неё и чувствовал, как где-то глубоко
внутри поднимается холодное понимание:
катастрофа больше не была видением.

Она уже пришла.

И теперь вопрос состоял не в том, **случится ли конец.**

А в том, **кто первым решится встретить его лицом
к лицу.**

Глава 2. Встреча Алексея

Когда дрожь под куполом стихла, никто не заговорил сразу.

Слишком многое изменилось за несколько минут.

Ещё вчера каждый из них был героем своей собственной истории — со своими страхами, своими тайнами, своей це-

ной за вмешательство в судьбы других. Но теперь все эти отдельные дороги сошлись в одном месте, в одном зале, вокруг одного человека, который, в отличие от них, не должен был здесь находиться по законам самого мира.

Алексей стоял чуть в стороне от остальных и смотрел на сферу.

Вернее — на пустоту внутри неё.

На себя.

Он старался держаться спокойно, даже слегка иронично, как делал всегда, когда не понимал, насколько всё серьёзно. Но руки выдавали его. Пальцы сжимались и разжимались, будто тело уже знало то, что ум пока отказывался принять.

— Ну и что дальше? — наконец спросил он. — Вы все будете на меня смотреть так, будто я последняя спичка в доме, полном газа?

Тихон фыркнул.

— Хорошее сравнение.

— Плохой знак, что тебе оно понравилось, — буркнул Алексей.

— Плохой знак, что оно точное, — сухо заметил Игорь.

Анна бросила на него быстрый взгляд:

— Не помогает.

— Я не пытаюсь помочь. Я пытаюсь быть честным.

— Иногда это одно и то же, — тихо сказал Лев.

— А иногда нет, — отрезала Марта.

София шагнула к Алексею первой. Не резко, не угрожаю-

ще, а так, будто приближалась к человеку, стоящему на тонком льду.

— Алексей, — сказала она мягко, — никто здесь не считает тебя оружием. Или инструментом. Но тебе нужно знать правду.

Он перевёл взгляд на неё.

— С этого места обычно всё становится хуже.

— Обычно да, — признала София.

Лица, стоявшая возле колонны, нервно прижимала к груди папку с рисунками. Матвей молчал, наблюдая за всеми так, будто уже прикидывал худшие варианты. Денис скрестил руки на груди. Павел был неподвижен, как перед началом боя. Катя и Марина смотрели на Алексея с тревогой, в которой было больше личного, чем остальные, возможно, готовы были показать.

Алексей заметил это и слабо усмехнулся.

— Ладно. Раз все такие серьёзные, говорите. Только без загадок вроде “мир выбрал тебя” и “ты — узел между тем, чего нет, и тем, что будет”. Я этого уже наслушался.

Тихон тихо хмыкнул:

— Жаль. Я как раз хотел сказать что-то настолько же непонятное.

— Потом скажешь, — бросила ему Анна.

Сфера в центре зала пульсировала медленно, почти как сердце. Свет от неё ложился на лица собравшихся — и каждый казался старше, чем был. Не по возрасту. По пережито-

му.

Лев сделал шаг вперёд.

— Начнём с простого, — сказал он. — Каждый из нас связан с линиями судьбы.

Алексей пожал плечами.

— Уже понял. Светящиеся нити, узоры, причинно-следственные связи, предопределённость, цена вмешательства. Всё красиво, загадочно и очень неудобно для нормальной жизни.

— Это не только метафора, — ответил Игорь. — Это структура. Закон. Архитектура вероятностей.

— Игорь, — устало сказала Катя, — по-человечески.

Он раздражённо выдохнул.

— Хорошо. Любое действие человека оставляет след в будущем. У большинства этот след вплетён в общее полотно ещё до того, как они делают выбор. Даже свобода выбора не абсолютна — она движется внутри возможных путей.

Алексей кивнул медленно.

— А у меня, выходит, путей нет.

— У тебя нет прописанного пути, — поправила Марина.

— Это одно и то же.

— Нет, — впервые резко сказала Марта. — Это совсем не одно и то же.

Все повернулись к ней. Она встретила взгляд Алексея спокойно и жёстко.

— Когда у человека есть линия судьбы, он свободен лишь

внутри коридора возможностей. Может идти быстро или медленно. Может свернуть. Может сопротивляться. Но стены коридора всё равно существуют. У тебя стен нет.

— Звучит не как дар, а как падение с обрыва.

— Именно, — сказал Денис. — Поэтому ты и важен.

Алексей посмотрел на него.

— Ты сейчас специально стараешься звучать угрожающе?

— Нет. Я просто давно понял, что самые страшные вещи редко приходят в красивых словах.

В зале снова стало тихо.

Ли́ка не выдержала и раскрыла папку.

— Я покажу.

— Ли́ка... — начал Матвей.

— Нет, — сказала она, не глядя на него. — Он должен увидеть.

Она подошла к Алексею и протянула ему несколько листов. На первом был нарисован город — расколотый, будто треснувшее стекло. На втором — круг героев под чёрным небом. На третьем — он сам.

Один.

Без линий.

Но вокруг него всё пространство было испещрено расходящимися трещинами.

Алексей долго смотрел на рисунок, потом поднял глаза.

— Ты это придумала?

Ли́ка покачала головой.

— Я никогда не “придумываю” такие вещи. Они приходят сами.

— И часто приходят концы света?

Тихон пробормотал:

— Иногда по четвергам.

Но никто даже не улыбнулся.

Лица тихо сказала:

— Когда я рисую будущее, я почти всегда вижу движение. Пути. Последствия. Оттенки выбора. А вокруг тебя — пустота. И из этой пустоты расходятся все варианты сразу. Слишком много. Слово мир не может решить, что ты такое.

— Спасибо. Очень поддерживает.

— Это ещё не худшая часть, — сказал Игорь.

— О, чудесно.

Игорь активировал свой планшет. Над его поверхностью загорелись тонкие световые схемы: графики, пересечения, ветвящиеся линии.

— Я построил модели, — сказал он. — Сотни. Возможно, тысячи. Каждый раз, когда в систему вводится твой выбор, прогноз становится нестабильным. Обычные законы вероятности перестают работать.

— Потому что я особенный? — спросил Алексей с лёгкой горечью.

— Потому что ты внешний элемент, — спокойно ответил Игорь. — С точки зрения судьбы — почти ошибка.

Повисло тяжёлое молчание.

Катя резко повернулась к Игорю:

— Не надо так.

— А как надо? Лгать?

— Не лгать. Не превращать человека в формулу.

Алексей неожиданно усмехнулся:

— Нет, всё нормально. Лучше уж так. Ошибка — хотя бы честно. Всегда подозревал, что во мне что-то не так.

— Не говори так, — тихо сказала Марина.

Он посмотрел на неё.

— А как мне говорить? Что я избранный? Что у меня великое предназначение? Что весь мир вдруг решил, что парень без линии судьбы — это отличная идея для спасения реальности?

— Иногда мир действительно выбирает странно, — сказал Павел.

— А иногда он просто в отчаянии, — добавил Денис.

София подошла ближе и осторожно взяла один из рисунков из рук Алексея.

— Посмотри сюда, — сказала она.

Она указала на едва заметный штрих в центре листа. Среди трещин, среди распада, среди хаоса — тонкий светлый контур, почти невидимый.

— Видишь?

Алексей прищурился.

— Похоже на линию.

— Нет, — сказала Лика. — Это не линия судьбы.

— А что тогда?

Лица сглотнула.

— Это место решения.

Он поднял взгляд.

— Объясни.

— Вокруг всех людей я вижу пути, которые продолжают из прошлого в будущее. А вокруг тебя прошлого пути нет. Но иногда... иногда появляется точка, где ты выбираешь не то, что должен, а то, что считаешь правильным. И после этого уже выстраиваются чужие линии.

Алексей нахмурился.

— Хочешь сказать, моё решение может создавать судьбы?

— Или менять их без переписывания, — тихо сказал Матвей.

Это прозвучало особенно весомо, потому что именно Матвей лучше других знал цену вмешательства в прошлое. Он подошёл ближе, медленно, будто каждый шаг был выверен.

— Мы всю жизнь работали с последствиями, — сказал он. — Кто-то видел будущее. Кто-то чувствовал линии. Кто-то вмешивался. Кто-то спасал. Кто-то ошибался. Но все мы зависели от уже существующего узора. Ты — нет.

— И поэтому я должен что-то решить, — сказал Алексей. — Всё ещё не понимаю почему именно это спасёт мир.

— Потому что катастрофа, — ответил Лев, — рождается там, где все действуют по привычке, по страху, по предна-

чертанным ролям. Там, где никто не делает по-настоящему свободного выбора.

— А я, значит, могу.

— Да, — сказала София.

— И что, если я выберу неправильно?

Никто не ответил сразу.

Снаружи снова прогремело. Тонкая дрожь прошла по колоннам, по каменному полу, по самой сфере. На мгновение карта мира внутри неё исказилась, и все увидели вспышки сразу в нескольких местах — океан, горный хребет, огромный город, чьё название никто не успел разобрать.

Анна быстро подошла к сфере.

— Трещины растут, — сказала она.

Игорь бросил взгляд на планшет.

— Скорость увеличивается.

— Мы теряем время, — добавил Павел.

Но Алексей будто не услышал их. Он всё смотрел на рисунок. Потом медленно спросил:

— А если я вообще не хочу этого?

Эти слова ударили по залу, как ещё одна трещина.

Не потому, что были неожиданными.

Потому что каждый из присутствующих однажды задавал себе тот же вопрос.

Первой ответила Денис.

— Тогда ты просто человек.

Алексей поднял на него глаза.

— Что?

— Если ты не хочешь — это не делает тебя слабым. Это делает тебя честным. Никто из нас не выбирал то, что на нас свалилось.

— Но вы всё равно остались.

— Не сразу, — глухо сказал Денис. — И не всегда достойно.

Лев медленно кивнул.

— Некоторые из нас пытались уйти.

Марта отвернулась, но это движение сказало больше слов.

Павел опустил взгляд.

Лица сжала пальцы на папке так сильно, что костяшки побелели.

София сказала тихо:

— Были моменты, когда каждый из нас хотел, чтобы этим занялся кто-то другой.

— Тогда почему вы здесь? — спросил Алексей.

Катя ответила раньше остальных:

— Потому что однажды понимаешь: не прийти — тоже выбор.

Марина добавила почти шёпотом:

— И иногда самый страшный выбор — это ничего не делать.

Алексей усмехнулся, но теперь устало, без прежней иронии.

— Вы очень убедительная компания. Правда. Один гово-

рит, что я ошибка. Другой — что у меня нет коридора судьбы. Третья показывает рисунки апокалипсиса. А потом вы все вместе рассказываете, что отказаться — тоже решение. Очень обнадёживает.

— Мы не пытаемся тебя загнать в угол, — сказала Анна.

— Нет? А что тогда это всё?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Это правда в её самом неприятном виде.

Он хотел ответить резко, но вдруг остановился. Потому что в этот момент сфера изменилась.

Пустота в её центре — та самая, что обозначалась как его отсутствие линии — вдруг дрогнула. Не заполнилась светом, не превратилась в нить. Нет. Но в ней словно появилась глубина. Как если бы раньше это было просто чёрное пятно, а теперь — окно.

Все одновременно это заметили.

— Что происходит? — тихо спросила Марина.

Игорь быстро провёл пальцами по экрану планшета.

— Реакция на эмоциональное напряжение... Нет, не так. На внутренний конфликт. Система отвечает на его решение ещё до того, как оно принято.

— Сфера чувствует выбор? — нахмурилась София.

— Не выбор, — сказал Матвей, глядя прямо в центр пустоты. — Возможность выбора.

И в эту секунду в сфере проступило изображение.

Не карта. Не линии.

Комната.

Обычная, почти бедная, слишком знакомая в своей простоте. Кухонный стол. Чашка. Серое утро. И Алексей — один, сидящий у окна. Такой, каким он был несколько часов назад.

Он шагнул назад.

— Это...

— Это ты, — тихо сказала Лика.

Но изображение не замерло. Оно продолжало двигаться. Алексей из видения сидел неподвижно, будто кого-то ждал. Потом в дверь постучали. Три ровных удара.

Катя резко вдохнула.

— Это момент, когда мы пришли к тебе.

— Нет, — сказал Игорь, — не совсем. Смотрите внимательнее.

Дверь в видении осталась закрытой.

Никто не вошёл.

Алексей из сферы не поднялся сразу. Он сидел, глядя в чашку, потом медленно опустил голову в ладони.

И всё.

Картина сменилась.

Городская улица. Люди бегут. Небо трещит. Чьи-то крики. Вспышка.

Снова смена.

Пустой зал под куполом — но без них.

Снова смена.

Океан, поднявшийся стеной.

Снова смена.

Тьма.

Сфера погасла так резко, что многие инстинктивно вздрогнули.

Первым заговорил Тихон:

— Так. Мне очень не нравится то, что я сейчас понял.

— Это был вариант отказа, — сказала Марта.

— Да, — глухо подтвердил Игорь. — Один из сценариев.

Он не открывает дверь. Мы его не находим вовремя. Дальше начинается каскадный распад.

Алексей стоял, не двигаясь.

Лицо его вдруг изменилось. Исчезло всё — ирония, защита, попытка держаться легче. Осталась только тяжёлая, голая мысль, с которой человек остаётся наедине, когда понимает, что даже его бездействие имеет вес.

— То есть всё правда, — сказал он.

Никто не ответил.

Не потому, что нечего было сказать.

Потому что это уже не нуждалось в подтверждении.

Он медленно провёл рукой по лицу.

— Всё это время я думал, что моя странность — это просто... пустота. Отсутствие. Ничего. Будто во мне не хватает какой-то части, которая есть у остальных. А выходит наоборот.

София тихо спросила:

— Что выходит?

Алексей посмотрел на сферу.

— Что именно из-за этой пустоты что-то вообще ещё может измениться.

Лев кивнул.

— Да.

— Ненавижу такие повороты, — пробормотал Алексей.

Тихон не удержался:

— Мы тоже.

И впервые за всё это время в зале прозвучал очень слабый, короткий, но настоящий смешок. Он не снял напряжение, но сделал всех чуть живее. Чуть человечнее.

Алексей обвёл взглядом всех собравшихся.

— Допустим, я вам верю. Допустим, всё действительно сходится на мне. Тогда скажите честно: что именно я должен сделать?

Этот вопрос ждали все.

Но ответа не было.

Не полного.

Анна сказала первой:

— Мы пока не знаем.

— Прекрасно.

— Мы знаем только условия, — продолжил Игорь. — Нельзя переписывать ключевые узлы прошлого. Нельзя заставить мир подчиниться силой. Нельзя переложить решение на систему, пророчество или чужую волю. То, что запу-

стит стабилизацию, должно быть сделано свободно и сознательно.

— Очень конкретно, — мрачно сказал Алексей.

— Для начала достаточно, — вмешался Павел. — На войне не всегда знают весь план. Иногда знают только первое направление удара.

— Это не война, — тихо сказала Марина.

Павел посмотрел на неё.

— Любая битва, где цена — человеческие жизни, очень быстро становится войной.

Денис шагнул к Алексею ближе, чем остальные.

— Тебе сейчас кажется, что от тебя требуют невозможно-го. И, возможно, так и есть. Но никто не просит решить всё сию секунду. От тебя нужно другое.

— Что?

— Не убежать.

Эти слова снова прозвучали просто. Но теперь они легли по-другому.

Потому что Алексей уже видел, что значит бегство.

Он молчал долго. Так долго, что даже сфера будто замедлила своё биение, ожидая.

Наконец он сказал:

— А если я останусь... вы останетесь тоже?

Вопрос был задан без пафоса. Почти сухо. Но именно в нём было всё: страх, недоверие, проверка, надежда, которую он ещё стеснялся показать.

София ответила сразу:

— Да.

— Да, — сказал Лев.

— Разумеется, — кивнула Анна.

— Куда вы без меня со своими иррациональными решениями, — пробормотал Игорь.

— Я никуда не уйду, — сказала Марта.

— Я тоже, — тихо добавила Лика.

Матвей только кивнул, но это было твёрже слов.

— До конца, — сказал Павел.

— Хотя мне и не нравится формулировка, — усмехнулся Денис, — да.

— Я рядом, — сказала Катя.

— Всегда, — шёпотом произнесла Марина.

Тихон развёл руками:

— Ну и я, раз уж все такие драматичные.

Алексей слушал их, и что-то в его лице менялось. Не уверенность — до неё было далеко. Но одиночество отступило на шаг.

Снаружи снова вспыхнуло небо. По куполу пробежала ещё одна белая трещина, длиннее первой.

Анна резко повернулась к сфере:

— У нас правда мало времени.

Матвей поднял голову.

— Значит, пора перестать объяснять и начать действовать.

— Согласен, — сказал Лев. — Но сначала нам нужно понять, где возникнет первый реальный разлом.

Сфера словно ждала этих слов.

Свет в ней собрался в одну точку, потом начал разворачиваться в новую карту — уже не мира, а чего-то другого. Города? Места? Узлы? Пока никто не понимал.

Но прежде чем изображение оформилось до конца, по залу прокатился чужой голос.

Не голос сферы.

Не голос мира.

Не чей-то из них.

Низкий, искажённый, как эхо из треснувшего стекла.

— **Вы опоздали.**

Все мгновенно обернулись.

Свет в зале дрогнул. В дальнем конце, между колоннами, где секунду назад никого не было, проступила высокая тёмная фигура.

Без лица.

Без чётких очертаний.

Словно сама трещина в реальности встала на ноги.

Марина резко отступила к Алексею.

Павел уже был в боевой стойке.

София вскинула руку, и у её пальцев вспыхнул свет.

Лев шагнул вперёд.

Марта исчезла в тени колонны.

Игорь уронил взгляд на планшет.

Анна сжала кулаки.

Лица замерла, будто узнала что-то худшее, чем сам страх.
Алексей смотрел прямо на фигуру.

И впервые за всё это время он понял не умом, а всем существом:

его предназначение только что перестало быть теорией.

Тёмная фигура медленно подняла руку и указала прямо на него.

— Если он сделает выбор, мир изменится, — произнёс голос. — Поэтому он должен умереть раньше.

Сфера взорвалась светом.

И в следующий миг зал превратился в поле первой настоящей битвы.

Глава 3. Призыв союзников

Первым понял Лев.

Не умом — телом.

Будто что-то огромное, невидимое и древнее прошло через мир, слегка коснувшись всех живых существ, но оставив в тех, кто умел слышать судьбу, настоящий ожог. Он стоял у окна, когда стекло внезапно пошло тонкой белой сеткой трещин. Не разбилось. Просто дрогнуло, как кожа перед болью.

За городом занимался рассвет, но свет был неправильный — слишком бледный, словно солнце поднималось через слой пепла.

Лев медленно коснулся ладонью холодного стекла.

— Началось, — сказал он тихо.

Сзади слышались шаги. София вошла в комнату, накидывая на плечи тёмный плащ. Она не задавала лишних вопросов — по лицу Льва уже всё поняла.

— Ты тоже чувствуешь? — спросила она.

— Не просто чувствую. Мир будто зовёт поимённо.

София остановилась рядом.

— Я видела трещину. И пустоту в центре линий.

— Алексея.

— Да.

Они помолчали. За эти несколько секунд между ними прошло больше смысла, чем смогли бы вместить долгие объяснения.

София тихо спросила:

— Мы успеем собрать всех?

Лев отвёл взгляд от окна.

— Не знаю.

— А если не успеем?

Он ответил не сразу.

— Тогда каждый будет сражаться в одиночку. А это именно то, чего добивается катастрофа.

София прикрыла глаза. На её пальцах вспыхнули едва заметные золотые искры — тревога всегда находила у неё выход в магии.

— Значит, будем звать всех.

— Да, — сказал Лев. — Даже тех, кто больше не хотел возвращаться.

Он подошёл к столу, на котором лежала старая карта, исписанная пометками, именами, странными символами, понятными только тем, кто хоть раз пытался собрать разрозненных хранителей, переписателей, предвидящих и тех, кто жил на границе возможного.

Лев провёл пальцем по карте.

— Тихон — через аркадский контур связи.

— Марта — через теньевые зеркала.

— Анна и Игорь — по закрытым техническим каналам.

— Лика — только через образ, иначе не откликнется во-

время.

— Матвей... — он запнулся. — Матвей, скорее всего, уже всё понял сам.

— Денис и Павел? — спросила София.

— Их придётся звать лично. Такие люди не приходят на общий сигнал. Только на правду.

София кивнула.

— А Катя и Марина?

Лев посмотрел на неё пристально.

— Они ближе всего к Алексею. Им достанется самое трудное.

— Сказать человеку, что он — ключ к концу мира?

— Сказать человеку, что он — возможно, единственный шанс, — тихо поправил Лев.

София горько улыбнулась.

— Иногда я не понимаю, что страшнее.

Лев взял в руку старый металлический диск — артефакт связи, который реагировал не на голос, а на намерение. Его поверхность дрогнула, когда он сжал её сильнее.

— Тогда начнём.

И мир будто услышал его.

Тихон находился в старом архиве, где обычно искал ответы не в магии и не в пророчествах, а в забытых схемах, чертежах и тех редких документах, которые официальная история предпочитала не замечать. Полки уходили в темноту, на столе горела одна лампа, вокруг были разбросаны листы, исписанные его быстрым, чуть угловатым почерком.

Когда на столе сам собой завибрировал металлический диск связи, Тихон даже не поднял головы.

— Если это опять кто-то хочет сообщить мне, что реальность нестабильна, то я уже заметил, — пробормотал он.

Диск вспыхнул.

Над ним возникло лицо Льва.

— Не опять. Намного хуже.

Тихон резко выпрямился.

— А, ну конечно. Значит, всё-таки конец света, не просто плохая неделя.

— Тихон.

Лев редко произносил его имя таким тоном. Без иронии. Без попытки смягчить.

Именно поэтому Тихон перестал шутить.

— Говори.

— Все получили видение. Глобальный разлом. Мир не удержится, если никто не возьмёт ответственность.

— Красиво сказано. Неприятно, но красиво.

— В центре всего Алексей.

Тихон медленно снял очки и потер переносицу.

— Человек без линии судьбы?

— Да.

— Тогда... — Он замолчал, а потом тихо выдохнул: —

Тогда это даже логично.

— Ты тоже к этому пришёл?

Тихон повернул к Льву лист бумаги, на котором была нарисована схема ветвящихся линий, сходящихся в пустой круг.

— Я пытался доказать себе, что ошибся. Три раза пересчитывал. Один и тот же результат: катастрофа не вызвана кем-то. Она вызвана тем, что все начнут ждать чужого решения.

Лев кивнул.

— Именно это нам и показали.

— Значит, нас хотят разделить страхом и сомнениями.

— Да.

— Значит, надо собирать всех до первого настоящего разлома.

— Да.

— Значит, времени почти нет.

— Да.

Тихон вздохнул и встал.

— Ну что ж. Ненавижу быть правым в такие дни.

— Сможешь прийти?

— Нет, — сказал Тихон.

На секунду Лев замер.

Тихон усмехнулся.

— Я не “смогу”. Я уже иду.

И связь оборвалась.

Марта была в мире теней, когда её настиг призыв.

Там не было обычного времени. Там не тикали часы, не шёл дождь, не менялся свет. Только движение силуэтов, шёпот чужих намерений и тонкое ощущение, что любой неверный шаг может вывести не к двери, а к чьей-то памяти.

Она шла по узкому мосту из чёрного стекла, когда перед ней на ходу возникло зеркало. В нём не было отражения.

Был Лев.

— Ты нашёл очень плохой способ меня отвлечь, — сказала Марта.

— У меня не было хорошего.

— Что случилось?

— Всё.

Она прищурилась.

— Конкретнее.

— Глобальная катастрофа. Связана не с внешним врагом,

а с разрушением самой структуры выбора. Алексей в центре.
Марта замерла.

Тени вокруг неё дрогнули, словно даже они узнали это имя.

— Алексей? — переспросила она. — Без линии?

— Да.

— Значит, всё выходит за пределы привычной игры.

— Уже вышло.

Марта медленно подошла ближе к зеркалу.

— Кто собран?

— Пока не все. Нужны ты, Тихон, Анна, Игорь, Лика, Матвей, Павел, Денис, Катя, Марина... все.

Она усмехнулась без радости.

— Ты так говоришь “все”, будто это просто список. А не люди, которые едва удержали собственные миры от распада.

— Именно поэтому и нужны все.

Марта помолчала. Потом спросила:

— Ты уверен, что катастрофа реальна? Не манипуляция?
Не ловушка?

— Нет, — честно ответил Лев. — Не уверен.

Марта удивлённо подняла бровь.

— Не ожидала от тебя такого ответа.

— Я уверен в другом: если мы проигнорируем это, мы даже не узнаем, была ли возможность всё остановить.

Марта долго смотрела на него, потом кивнула.

— Хорошо. Я выхожу из теней.

— Сможешь привести кого-то ещё?

— Смогу не дать кое-кому исчезнуть по дороге, — сухо ответила она. — Для начала этого достаточно.

Прежде чем зеркало погасло, Лев успел сказать:

— Будь осторожна.

Марта чуть усмехнулась.

— Поздно начинать советовать это именно сейчас.

Анна узнала о происходящем ещё до сигнала.

Её аппаратура в лаборатории начала выдавать сбои, которые не подчинялись никакой системе. Датчики времени запаздывали на доли секунд, потом внезапно спешили, температуры в запаянных камерах менялись без причины, а главный экран вывел одну-единственную надпись:

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ РЕАЛЬНОСТИ: КРИТИЧЕСКИЙ ПОРОГ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

— Вот этого в инструкции точно не было, — пробормотала она.

Дверь открылась, и в лабораторию вошёл Игорь с планшетом в руке. По его лицу было видно: он не просто встревожен. Он уже считал варианты и не находил ни одного комфортного.

— Ты тоже это видишь? — спросила Анна.

— К сожалению, не только вижу. Я это прогнозирую.

— Насколько всё плохо?

Игорь помолчал.

— Настолько, что мне уже не нравится собственная точность.

Анна скрестила руки на груди.

— Я думала, тебя такое, наоборот, радует.

— Только когда мир не собирается рассыпаться по формуле.

Она подошла к нему.

— Что у тебя?

Он показал экран. Там были модели, похожие на сломанные деревья: ветвления вероятностей, сходящиеся в хаос.

— Посмотри в центр, — сказал он.

Анна вгляделась.

— Пустой узел?

— Не пустой. Непривязанный.

— Алексей.

Игорь кивнул.

— У человека без линии судьбы единственный тип свободы, который система не умеет считать. Пока он не выбрал, мир нестабилен. Если вокруг него все уклонятся от решения, произойдёт каскадный разлом.

Анна медленно выдохнула.

— И как раз сейчас кто-то связывается со всеми, верно?

В этот момент на одном из экранов вспыхнуло лицо Льва.

— Приятно работать с людьми, которые не нуждаются в долгом вступлении, — сказал он.

Анна покачала головой.

— Не льсти себе. Мы просто уже в катастрофе.

— Почти, — ответил Лев. — Нужны вы оба.

Игорь мрачно заметил:

— Разумеется. Когда Вселенная ломается, всегда зовут тех, кто ещё не выспался.

— Игорь, — сказала Анна, — ты идёшь?

— А у меня есть выбор?

Лев ответил за неё:

— Есть. Но последствия будут у всех.

Игорь опустил взгляд на экран планшета.

— Ненавижу такие формулировки.

Анна уже снимала перчатки и выключала терминалы.

— Значит, всё серьёзно.

— Более чем, — сказал Лев. — По дороге соберите всё, что может измерять отклонения в структуре пространства.

Анна коротко кивнула.

— Уже собираю.

Экран погас.

Игорь посмотрел на неё.

— Ты хоть понимаешь, что нас зовут не на помощь. Нас зовут свидетелями чего-то, что ещё не случилось, но уже давит на систему.

Анна взяла со стола жёсткий кейс с оборудованием.

— Тогда будем не свидетелями.

— А кем?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Теми, кто не даст всем остальным превратить страх в бездействие.

Игорь на секунду замолчал, потом сухо усмехнулся.

— Вот именно поэтому ты опаснее меня.

Ли́ка почувствовала призыв как боль в пальцах.

Она сидела перед чистым холстом и никак не могла сделать первый мазок. Редкое, почти мучительное состояние для человека, который обычно не рисовал будущее — а принимал его, как поток.

Потом кисть сама дрогнула.

Чёрная краска легла резко, почти агрессивно. За ней — красная, серая, золотая. На холсте появлялись фигуры, линии, трещины в небе. И в самом центре — пустое место в форме человеческого силуэта.

— Нет... — прошептала Ли́ка.

Дверь мастерской распахнулась.

На пороге стоял Матвей.

— Значит, и тебе пришло, — сказал он.

Она даже не удивилась.

— Ты видел?

— Не видел. Почувствовал сдвиг во времени. Как будто мир несколько раз попытался выбрать разные варианты утра и не смог.

Ли́ка дрожащей рукой указала на холст.

— Здесь все.

Матвей подошёл ближе. Его лицо стало особенно серьёзным, когда он увидел пустой силуэт.

— Алексей.

— Да.

— Без линии.

— Да.

— Значит, история решила быть беспощадной.

Ли́ка обернулась к нему.

— Что это значит?

Матвей долго смотрел на картину, потом сказал:

— Это значит, что на этот раз нельзя будет просто исправить ошибку потом. Нельзя вернуться. Нельзя переписать. Придётся выбирать вживую.

Ли́ка сглотнула.

— Я боюсь.

— Я тоже, — спокойно сказал Матвей.

Она подняла на него удивлённый взгляд.

— Ты это так просто говоришь?

— Страх — не стыдно. Стыдно делать вид, что его нет, когда на кону мир.

И в этот момент старый телефон на столе, который давно не работал, сам загорелся. На экране появилось имя: **ЛЕВ**.

Матвей поднял бровь.

— Люблю, когда реальность даже не пытается притво-

ряться нормальной.

Ли́ка отве́тила.

— Где вы? — сразу спросил Лев.

— Пока у меня, — сказала она. — Матвей тоже здесь.

— Хорошо. Нужны оба.

— Мы уже поняли, — ответил Матвей. — Кто ещё идёт?

— Почти все. Но нужно торопиться. Трещины уже проявляются не только в видениях.

Ли́ка побледнела.

— Насколько близко?

— Ближе, чем хотелось бы.

Матвей взял со стола свой старый компас времени — вещь, которая обычно указывала не север, а точку наибольшего напряжения в потоке событий. Стрелка дёргалась так сильно, что почти вибрировала.

— Лев, — тихо сказал он, — если этот прибор не врёт, первый разлом может произойти ещё до того, как все соберутся.

На другом конце связи повисло молчание.

Потом Лев ответил:

— Тогда приведи её. И не дай картинам показать слишком многое раньше времени.

Ли́ка слабо усмехнулась.

— Это ты сейчас просишь невозможное.

— Я знаю, — сказал Лев. — Но сегодня невозможное — наша рабочая категория.

Павел встретил призыв на старом полигоне.

Он тренировался один — не потому, что любил одиночество, а потому что после всего пережитого ему было легче слышать себя в движении, чем в тишине. Удар, разворот, шаг, остановка. Контроль над телом был последней честной вещью в мире, где слишком многое менялось помимо воли человека.

Когда ветер вдруг замер, Павел сразу насторожился. Не бывает такой полной паузы в воздухе.

Не в живом мире.

— Покажись, — сказал он в пустоту.

В нескольких шагах от него из марева проступил Денис.

— Всегда забываю, как ты не любишь вступления, — сказал он.

Павел опустил тренировочный клинок.

— Если пришёл лично, значит, дело серьёзное обычного.

— Намного.

— Конец света?

— Хуже. Конец выбора.

Павел несколько секунд смотрел на него.

— Объясни.

Денис подошёл ближе.

— Герои получают видение. Мир трещит. Никто не берёт

ответственность. Всё рушится. В центре — Алексей.

— Без линии судьбы?

— Да.

Павел отвёл взгляд и тихо выругался.

— Вот почему я сегодня не мог сосредоточиться.

— Ты тоже почувствовал?

— Не картинками. Решением. Будто приближается момент, когда никто не сможет остаться нейтральным.

Денис кивнул.

— Именно поэтому я здесь. Нас собирают.

— Кто уже идёт?

— Почти все, кто ещё помнит цену вмешательства.

Павел усмехнулся краем губ.

— То есть, по сути, самые неудобные люди.

— Самые упрямые, — поправил Денис.

— И это ты говоришь мне?

— Я никогда не утверждал, что не вижу иронии.

Павел подошёл к скамье, взял куртку, на ходу застёгивая её.

— Где встреча?

— Старый купол за пределами карт.

Павел резко поднял голову.

— Значит, всё действительно дошло до предела.

— Да.

Павел немного помолчал, потом спросил:

— Денис, скажи честно. Мы идём спасти мир... или

смотреть, как он ломается окончательно?

Денис ответил не сразу.

— Зависит от того, хватит ли нам мужества не переложить решение на Алексея одного.

Павел застыл.

— Вот оно как.

— Да.

Павел надел перчатки.

— Тогда пошли. Потому что если кто-то попытается сделать из него жертву ради общего спокойствия, я первым разобью этот план.

Денис посмотрел на него внимательно.

— Поэтому ты и нужен.

Катя нашла Марину раньше сигнала.

Это было почти смешно, потому что обе уже знали: когда судьба начинает вести себя слишком тихо, нужно искать не покой, а центр бури.

Марина стояла на мосту и смотрела на воду. Река текла, как обычно, но отражение неба в ней было неправильным — в нём то и дело проскальзывали белые трещины, которых в реальном небе ещё не было.

Катя подошла ближе.

— Ты тоже видишь?

Марина не обернулась.

— Да.

— Давно?

— Сначала думала, показалось. Потом поняла, что река не умеет врать.

Катя остановилась рядом.

— Это из-за него.

Марина наконец посмотрела на неё.

— Из-за Алексея?

Катя кивнула.

— Точнее, не “из-за”. Вокруг него.

Марина сжала перила моста.

— Ему уже сказали?

— Нет.

— Тогда нужно сказать мягко.

Катя невесело улыбнулась.

— Расскажи мне, как мягко сообщить человеку, что он — ключ к катастрофе и, возможно, единственный шанс её остановить.

Марина опустила взгляд.

— Никак.

В этот момент у обеих одновременно вспыхнули знаки связи. Лицо Льва возникло над поверхностью перил.

— Вы нужны, — сказал он без вступлений.

— Уже поняли, — ответила Катя. — Мы идём к Алексею.

— Хорошо. Возьмите его с собой.

Марина резко спросила:

— Он в опасности?

Лев немного помолчал, и этой паузы было достаточно.

— Да, — сказал он. — Пока он не знает правду, он уязвим не только перед внешней угрозой, но и перед собственным отказом.

Катя прикрыла глаза.

— Значит, всё настолько плохо.

— Хуже. Но пока ещё не поздно.

Связь погасла.

Марина тихо сказала:

— Он не захочет идти.

Катя посмотрела в сторону города.

— Знаю.

— Он будет шутить, злиться, спорить, может, даже захлопнет дверь.

— Знаю.

— И всё равно нужно его привести?

Катя кивнула.

— Да.

Марина долго молчала, потом сказала:

— Тогда давай хотя бы будем с ним честны.

Катя повернулась к ней.

— До конца?

— До конца.

— Даже если он нас возненавидит?

Марина с болью улынулась.

— Лучше пусть возненавидит нас живыми, чем не успеет выбрать вообще.

Алексей в это утро чувствовал себя странно лишним даже в собственной квартире.

Это ощущение давно было его тенью, но сегодня стало почти физическим. Часы шли неравномерно, чай остывал слишком быстро, в подъезде было непривычно тихо, будто весь дом затаил дыхание.

Он сидел за кухонным столом, когда заметил, что поверхность чая в чашке дрожит, хотя никакого движения не было.

— Очень смешно, — пробормотал он в пустоту. — Если мир решил окончательно сойти с ума, мог бы хотя бы предупредить заранее.

В дверь постучали.

Три раза.

Ровно.

Спокойно.

Неотвратимо.

Алексей замер.

Потом поднялся и подошёл к двери.

— Кто?

— Мы, — ответила Катя.

Он открыл. На пороге стояли Катя, Марина и чуть позади — Игорь, будто заранее готовый к самому неудобному разговору в жизни.

Алексей посмотрел на всех троих и сразу сказал:

— По вашим лицам видно, что либо кто-то умер, либо сейчас испортят мне день.

Игорь сухо заметил:

— Второе. Хотя с перспективой первого для очень многих.

— Отличное начало, — сказал Алексей. — Проходите.

Они вошли.

Марина осталась ближе всех к нему, Катя сразу оглядела комнату, словно проверяя, нет ли чего-то опасного, а Игорь подошёл к окну и быстро глянул на улицу.

Алексей скрестил руки.

— Так. Объясните. Только без этих ваших “трудно подобрать слова”. Лучше уж сразу неприятно.

Катя начала первой:

— Сегодня ночью почти все, кто связан с линиями судьбы, увидели одно и то же.

— Уже звучит плохо.

— Глобальную катастрофу, — тихо сказала Марина.

Он посмотрел на неё.

— Насколько глобальную?

Игорь ответил:

— Настолько, что если мы ошиблись, нам всем очень по-

везёт. Но, к сожалению, расчёты совпадают с видениями.

Алексей усмехнулся без радости.

— И, конечно, я там тоже был.

Снова пауза.

Он опустил взгляд.

— Ясно.

Катя подошла ближе.

— Алексей...

— Нет, подожди. Дай угадаю. Я не просто “был”. Я в центре. Я причина, решение, ошибка системы или что-нибудь ещё в таком духе.

Игорь честно сказал:

— Всё сразу.

— Ненавижу, когда умные люди подтверждают худшие догадки.

Марина тихо произнесла:

— Ты не причина катастрофы.

— Тогда почему вы здесь?

Катя ответила:

— Потому что только ты можешь сделать выбор, который не был заранее вписан в судьбу.

Алексей несколько секунд просто смотрел на неё.

Потом рассмеялся — коротко, недоверчиво, устало.

— Конечно. Логично. Мир стоит на грани конца, и ключом оказывается человек, у которого вообще ничего “не вписано”. Прекрасный план.

— Другого у нас нет, — сказал Игорь.

Алексей резко повернулся к нему.

— А у меня есть выбор?

Игорь посмотрел ему прямо в глаза.

— Есть. Именно в этом проблема.

Марина сделала шаг к Алексею.

— Мы не пришли заставляя.

— Тогда зачем пришли?

— Чтобы ты не остался один с этим.

Он хотел что-то резко ответить, но запнулся.

Потому что это было сказано слишком просто, слишком по-настоящему.

Катя тихо добавила:

— Остальные уже собираются. Нам нужно идти.

Алексей отвернулся к окну. На секунду в небе мелькнула тонкая белая полоса, похожая на царапину по стеклу.

Он видел её ясно.

И впервые не смог убедить себя, что показалось.

— Если я пойду, — сказал он, не оборачиваясь, — вы хоть сами понимаете, куда меня ведёте?

Игорь ответил первым:

— Нет.

Катя бросила на него раздражённый взгляд, но он продолжил:

— Но я понимаю другое. Если ты не пойдёшь, вариантов станет ещё меньше.

Алексей закрыл глаза.

— Почему мне кажется, что это самый честный и самый ужасный разговор в моей жизни?

Марина тихо сказала:

— Потому что так и есть.

Он медленно повернулся к ним.

— Ладно. Допустим, я иду. Там будут все?

— Почти, — ответила Катя.

— Те самые “все”, после которых жизнь никогда не бывает спокойной?

— Да.

Алексей вздохнул.

— Тогда, видимо, спокойствие официально отменяется.

Марина впервые за всё время чуть улыбнулась.

— Похоже на то.

— Хорошо, — сказал он. — Только одно условие.

Катя напряглась.

— Какое?

— Больше никто не говорит мне загадками.

Игорь поднял бровь.

— Это почти невыполнимо для нашей компании.

— Тогда учитесь, — сказал Алексей и взял куртку. — Раз уж я, как вы утверждаете, шанс мира, мир может хотя бы постараться выражаться понятнее.

К тому моменту, когда последние сигналы были отправлены, воздух в самом мире уже изменился.

Где-то далеко Лика сворачивала ещё сырую картину.

Матвей проверял компас времени.

Павел и Денис шли быстрым шагом через пустую равнину.

Марта выходила из теней.

Тихон закрывал архив и прятал в сумку карты узлов.

Анна и Игорь забирали оборудование.

Катя и Марина вели Алексея к месту встречи.

София и Лев первыми вошли под старый купол, который существовал только тогда, когда требовалось не просто собрание, а решение, от которого зависело слишком многое.

Под куполом уже мерцала сфера линий судьбы.

Она пульсировала неровно.

Будто тоже ждала.

Лев посмотрел на карту мира внутри неё и тихо сказал:
— Лишь бы никто не опоздал.

София подошла ближе.

— Ты правда думаешь, что мы ещё можем успеть?

Он долго молчал.

Потом ответил:

— Не знаю.

— Тогда почему ты звучишь так спокойно?

Лев перевёл взгляд на вход.

— Потому что паника заразительна. А надежда — тоже.

В это мгновение сфера дрогнула.

В её центре на секунду появилась пустота.

Не просто тёмное пятно.

Силуэт человека.

А потом по поверхности мира внутри сферы прошла первая настоящая трещина.

Не видение.

Не предупреждение.

Реальность.

София резко вдохнула.

— Лев...

Он уже смотрел на вход.

Потому что где-то снаружи раздались шаги.

Герои шли.

Но теперь вопрос был уже не только в том, успеют ли они собраться.

Вопрос был в другом:

кто или что придёт вместе с ними вслед за этим при-

ЗЫВОМ.

Глава 4. Первые сомнения

Под куполом становилось всё холоднее.

Не потому, что менялась погода. Здесь не было обычной погоды. Не потому, что открылись двери. Они закрывались сами, едва очередной человек переступал порог. Холод шёл изнутри — от сферы, от трещины, прошедшей по карте мира, от самой мысли, что собравшиеся здесь люди могут оказаться последним, что стоит между миром и распадом.

Но даже это было не самым опасным.

Самым опасным были они сами.

Лев понял это в тот момент, когда в зал вошли последние.

Павел и Денис появились почти одновременно, шаг за шагом, как люди, привыкшие входить туда, где уже поздно для иллюзий. За ними — Лика и Матвей, один с напряжённым молчанием, другая с папкой рисунков, прижатой к груди так крепко, словно это был не картон, а щит. Тихон вошёл последним, нагруженный картами, схемами и той особой усталостью, которая бывает у человека, заранее знающего, что его доводы никому не понравятся.

Алексей стоял чуть в стороне, рядом с Катей и Мариной, и смотрел на всех так, будто пытался понять, почему именно этим людям он должен доверить остатки своей нормальности.

Сфера над полом вздрагивала неровно, испуская короткие вспышки. Иногда в её центре проступала пустота в фор-

ме человеческого силуэта — неясная, живая, тревожная.

Никто не торопился начинать.

Потому что начало означало признать главное: они действительно собрались.

И не были уверены, что это хорошая новость.

Первым тишину нарушил Тихон.

— Ну что ж, — сказал он, оглядывая зал. — Поздравляю. Мы официально дошли до той стадии катастрофы, где все самые сложные люди мира стоят в одной комнате и делают вид, что это поможет.

— Ты мог начать мягче, — заметила София.

— Я пытался. Это и было мягко.

— Нет, — сухо сказал Игорь. — Это было точно.

Катя резко повернулась к нему.

— Обязательно поддерживать любую фразу, которая ухудшает настроение?

— Обязательно, если она правдива.

— Правдивость без меры — это тоже способ всё разрушить, — бросила Марта из полутени у колонны.

Игорь посмотрел на неё.

— А тени, как всегда, предпочитают недосказанность?

— Тени предпочитают выживать, — спокойно ответила Марта.

Павел медленно снял перчатки.

— Мы ещё даже не начали, а уже звучим как люди, которые проиграли.

— Может, потому что так и есть? — тихо сказала Лика. Все обернулись к ней.

Она будто сама испугалась своих слов, но не отступила.

— Я не о том, что всё кончено, — быстро добавила она. — Я о другом. Посмотрите на нас. Мы слишком разные. Слишком... сломанные в разные стороны. Каждый из нас однажды выбрал свой способ бороться с судьбой. Кто-то шёл напрямую. Кто-то скрывался. Кто-то считал, кто-то чувствовал, кто-то переписывал, кто-то спасал, а кто-то просто выживал. Мы даже язык для одного и того же используем разный. Почему мы решили, что теперь сможем действовать как одно целое?

Ответа не последовало.

Потому что вопрос попал точно.

Матвей тихо произнёс:

— Потому что у нас нет роскоши не пытаться.

— Это не ответ, — сказала Анна. — Это мотивационная надпись перед провалом.

— А тебе нужен красивый ответ? — спросил Денис.

— Мне нужен рабочий.

— Рабочего пока нет, — вмешался Лев. — Есть только необходимость.

Алексей, до этого молчавший, вдруг коротко усмехнулся.

— Очень воодушевляюще. Я правильно понял? Мир трещит, загадочная сфера нервничает, я почему-то в центре всего этого, а команда спасения пока не уверена, что способ-

на друг друга вытерпеть?

Никто не улыбнулся.

Он медленно кивнул.

— Так и думал.

Марина тихо сказала:

— Алексей...

— Нет, всё честно, — он поднял руку. — Правда. Даже удобно. Теперь хотя бы понятно, что проблема не только во мне.

— Проблема не в тебе, — резко сказала Катя.

— Конечно. Проблема в том, что вы все друг другу не верите.

Эти слова прозвучали слишком просто, чтобы их можно было отвергнуть.

Лев посмотрел на Алексея внимательнее.

— Частично верно.

— Частично? — переспросил Тихон. — Очень щедрая формулировка.

Он бросил сумку с картами на каменный стол, разложил несколько листов и ткнул пальцем в один из них.

— Давайте уж без иллюзий. Мы не просто разные. Мы опасно несовместимы. Матвей привык менять прошлое, когда видит, что будущее невыносимо. Марта работает через скрытые ходы и недоверие. Павел решает, когда нужно действовать жёстко и сразу. Игорь вообще считает эмоции помехой для расчётов. София склонна верить, что светлый вы-

бор возможен даже там, где всё уже сгнило. Денис знает цену искуплению, а значит, не поверит ни в чью чистоту с первого слова. Анна не примет ни одного решения без проверки, Лика чувствует будущее, но из-за этого быстрее других ломается под его тяжестью. Катя и Марина слишком близко к Алексею, чтобы быть беспристрастными. А сам Алексей...

— Ну давай, — сказал Алексей. — Раз начал.

Тихон поднял на него взгляд.

— А сам Алексей — неизвестный центр, вокруг которого строится всё, но который не обязан доверять ни одному из нас.

Алексей немного помолчал.

— И это, пожалуй, впервые за день звучит разумно.

Сфера вздрогнула. На миг карта внутри неё исказилась, и по южной части мира пробежала тонкая белая трещина.

Анна сразу шагнула к ней.

— Мы зря тратим время.

— Нет, — сказала Марта. — Сейчас как раз не зря.

— Серьёзно? — повернулась к ней Анна. — По-твоему, внутренний конфликт полезен?

— По-моему, опасно притворяться, что его нет.

Павел кивнул.

— Согласен.

Катя раздражённо выдохнула.

— Ну конечно. Давайте ещё немного разберём, почему у нас ничего не выйдет. Очень помогает.

— Иногда помогает, — спокойно ответил Денис. — Ложное единство хуже открытого сомнения.

— Вот это уже ближе к правде, — тихо сказал Лев.

София обвела взглядом всех.

— Тогда давайте без полумер. Скажите вслух, в чём именно вы сомневаетесь. Не в мире. Не в катастрофе. В нас.

Тишина стала другой.

Более тяжёлой.

Более личной.

Первой заговорила Анна.

— Я сомневаюсь, — сказала она, — что люди, привыкшие действовать интуитивно, смогут не помешать там, где нужна точность.

Игорь едва заметно кивнул.

— Я сомневаюсь, что люди, привыкшие к моральным колебаниям, смогут сделать выбор вовремя.

— Это ты сейчас про кого? — спросил Павел.

— Про всех, — ответил Игорь. — И про себя тоже, если тебе станет легче.

— Не стало.

Лица сжала папку ещё крепче.

— Я сомневаюсь, что выдержу, если увижу сразу несколько вариантов конца.

Матвей повернулся к ней.

— Выдержишь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты уже выдерживала хуже, чем думала.

Она посмотрела на него, но в её глазах не было уверенности.

Марта вышла из тени на шаг вперёд.

— Я сомневаюсь, что открытые методы сработают. Если катастрофа питается ожиданием и страхом, значит, кто-то или что-то будет давить именно туда, где мы самые уязвимые.

— И что ты предлагаешь? — спросила София.

— Не всё делать вместе.

— Это уже похоже на раскол, — жёстко сказал Лев.

— Нет. Это похоже на реальность.

Павел заговорил следующим:

— Я сомневаюсь, что в момент удара мы успеем обсуждать. Кто-то должен иметь право принять решение без общего согласия.

— Нет, — сразу сказала Катя.

— Да, — ответил Павел.

— Нет. Потому что мы уже знаем, чем заканчиваются решения, принятые одним за всех.

Павел подошёл ближе.

— А мы знаем, чем заканчивается ожидание полного согласия. Массовыми потерями.

Между ними на секунду повисло почти физическое напряжение.

Марина тихо, но твёрдо сказала:

— Мы не будем превращать Алексея в объект вашей страсти.

Павел перевёл взгляд на неё.

— Я этого не говорил.

— Но подумал.

— Я подумал, что его нужно защищать любой ценой.

— Даже против его воли?

На этот вопрос Павел не ответил сразу.

И этого молчания было достаточно.

Алексей усмехнулся краем губ, но без веселья.

— Отлично. Значит, рано или поздно мы дошли бы и до этого.

— До чего? — спросил Денис.

— До момента, когда кто-нибудь предложит запереть меня в безопасном месте, окружить охраной и решать за меня, потому что так “надёжнее”.

— Я бы сформулировал мягче, — сухо сказал Игорь.

— А я бы нет, — отрезал Алексей. — Потому что суть всё равно одна.

Катя встала рядом с ним.

— Этого не будет.

Павел нахмурился.

— Если ситуация станет критической, мы не сможем позволить—

— Позволить что? — резко перебил Алексей. — Моё соб-

ственное решение?

Павел выдержал его взгляд.

— Если твоё решение будет стоить миру жизни — да.

В зале стало так тихо, что было слышно, как внутри сферы шевелится свет.

Марина побледнела.

Лица опустила глаза.

София медленно выдохнула.

Даже Тихон перестал двигаться.

Алексей сделал шаг вперёд.

— Вот, значит, как.

— Я сказал не это, — начал Павел.

— Нет, именно это. Ты боишься не катастрофы. Ты боишься свободы, которой не можешь контролировать.

Павел сжал челюсть.

— Я боюсь момента, когда один человек, каким бы важным он ни был, окажется слабее последствий.

— А я боюсь момента, когда вы все решите, что знаете лучше меня, что мне делать с моей собственной ролью, — ответил Алексей.

— Хватит, — тихо, но жёстко сказала София.

Но было уже поздно.

Потому что спор вырвался наружу не случайно. Он давно

зрел между ними всеми.

Тихон снова заговорил, на этот раз без привычной на-
смешки:

— А ещё есть вот что. Мы до сих пор не договорились, кто мы друг другу. Союз? Временное совпадение интересов? Совет? Группа спасения? Набор людей с общим страхом?

— Зачем это сейчас? — устало спросила Анна.

— Потому что от этого зависит всё. Союз держится на до-
верии. Совпадение интересов — на выгоде. Совет — на пра-
вилах. Группа спасения — на цели. А страх... — он посмот-
рел на сферу, — страх держится ровно до первого серьёзно-
го удара.

Денис медленно кивнул.

— Впервые за вечер ты звучишь не как человек, которого
хочется перебить.

— Спасибо, я тронут.

Марта сложила руки на груди.

— Он прав.

Катя раздражённо качнула головой.

— И что, будем сейчас голосовать за форму нашего конца
света?

— Лучше сейчас, чем в момент, когда кто-то ослушается
и скажет, что не обязан, — ответила Марта.

София подошла к сфере ближе, будто искала в её свете
опору.

— Тогда я скажу прямо. Я не верю, что нас удержат пра-

вила. Не верю, что общий приказ удержит тех, кто привык отвечать только перед собственной совестью. Но я верю в другое. Что каждый из нас уже знает цену одиночного решения. И именно поэтому мы здесь.

— Красиво, — сказал Игорь. — Но недостаточно.

— Тогда чего тебе достаточно? — спросила она.

Он посмотрел на пустоту в центре сферы.

— Модели поведения. Границы полномочий. Последовательность действий. Кто принимает решения в кризисной точке. Кто отвечает за Алексея. Кто имеет право остановить другого. Кто идёт первым в разлом, если он откроется.

— Ты хочешь превратить это в схему, — сказала Лика.

— Да.

— А если схема сломается?

— Сломается. Но хотя бы не сразу.

Матвей тихо сказал:

— Он тоже прав.

Лев медленно провёл рукой по лицу.

— Тогда скажу я. Я сомневаюсь не в том, что мы сможем объединиться. Я сомневаюсь, что мы сможем объединиться без боли. Без ссор. Без взаимных обвинений. Без того, чтобы не вытащить наружу всё старое недоверие.

— Это уже происходит, — заметил Денис.

— Да. Но вопрос не в этом. Вопрос в другом: выдержим ли мы этот момент и не рассыплемся раньше, чем начнётся настоящее давление.

Алексей тихо рассмеялся.

Все повернулись к нему.

— Что? — спросил Лев.

— Просто странно это слышать, — сказал Алексей. — Вы говорите так, будто я единственный, кто стоит на краю. А вы сами, похоже, держитесь не лучше.

— Так и есть, — негромко ответила София.

Он посмотрел на неё.

— И всё равно остались?

— Да.

— Почему?

София некоторое время молчала, потом сказала:

— Потому что мы уже видели, что бывает, когда сильные люди расходятся каждый в свою сторону, уверенные, что сами справятся лучше. Мир становится не безопаснее. Только тише перед обвалом.

Эти слова прозвучали просто. Без красоты. Поэтому попали глубже.

Лица вдруг шагнула к центру зала.

— Я хочу кое-что показать.

Матвей сразу напрягся.

— Лица, не сейчас.

— Нет. Сейчас. Пока мы ещё честны.

Она раскрыла папку и достала три листа.

На первом были изображены они же — все герои, но стоящие спинами друг к другу. Между ними уже шли белые тре-

щины. В центре — пустота, в которой тонул силуэт Алексея.

На втором — тот же круг, но с разорванными связями. Несколько фигур исчезли. Остальные были окружены чёрными провалами.

На третьем — они снова вместе. Не единым строем, не с одинаковыми лицами, не с одной позой. Кто-то держал свет, кто-то оружие, кто-то карту, кто-то просто стоял рядом. И в центре пустоты уже не было. Там оставалось нечто вроде открытого прохода — опасного, нестабильного, но не разрушительного.

Лица протянула рисунки на каменный стол.

— Это не готовое будущее, — сказала она дрожащим голосом. — Это три возможных контура. Первый — если мы будем рядом, но против друг друга. Второй — если расколемся. Третий — если примем, что мы разные не вопреки задаче, а для неё.

Тихон наклонился к рисункам.

— А почему третий всё равно выглядит тревожно?

— Потому что безопасного варианта нет, — ответила Лица.

Марта долго смотрела на третий лист.

— На нём нет идеального единства.

— Потому что его и не будет, — сказала Лица. — Я вообще не видела варианта, где мы становимся одинаковыми. Только такого, где мы перестаём пытаться переделать друг друга.

Павел перевёл взгляд с рисунка на Алексея.

— А он?

— Он всё равно в центре, — тихо сказала Лика. — Но не как объект. Как точка решения.

Алексей смотрел на изображение дольше всех.

— Значит, даже в лучшем варианте всё остаётся страшным.

— Да, — ответила она.

— Наконец-то хоть кто-то говорит без утешающих украшений.

Анна подошла к столу.

— Хорошо. Допустим, мы принимаем, что полного согласия не будет. Что делаем дальше?

Игорь ответил сразу:

— Формулируем минимум. Без него мы не команда, а скопление сильных одиночек.

— Какой минимум? — спросил Денис.

Он поднял руку, загибая пальцы.

— Первое: никто не принимает решение за Алексея без прямой угрозы немедленного распада.

Павел нахмурился, но промолчал.

— Второе: в случае кризиса тактическое решение может принимать один, но стратегическое — только после общего подтверждения.

— Сложно, — сказала Марта.

— Иначе будет хуже.

— Дальше, — сказал Лев.

— Третье: каждый имеет право возразить, если считает, что мы повторяем старую ошибку — контроль вместо сотрудничества, жертва вместо выбора, сила вместо ответственности.

София медленно кивнула.

— Это важно.

— Четвёртое, — продолжил Игорь, — никто не скрывает критически важное видение, расчёт или подозрение из страха, что остальные не поймут.

На этом пункте несколько человек невольно отвели взгляд.

Тихон тихо фыркнул.

— Вот тут-то и начнутся настоящие трудности.

— Уже начались, — заметил Денис.

— И пятое, — Игорь посмотрел на Алексея. — Он остаётся в центре обсуждения не потому, что “главный”, а потому что без его свободного решения вся система всё равно рухнет.

Алексей прищурился.

— Это была попытка выразиться по-человечески?

— Не привыкай.

Лев обвёл взглядом всех.

— Кто против?

Павел первым ответил:

— Я не против. Но если угроза станет немедленной, я всё

равно выберу защиту.

— Даже жёсткую? — спросила Катя.

— Даже жёсткую.

Алексей хотел что-то сказать, но Денис опередил его:

— Тогда договоримся сейчас. Если до этого дойдёт, ты не действуешь один.

Павел посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что ты слишком привык брать удар на себя и считать это честным. А здесь честность без согласования нас убьёт.

Павел несколько секунд молчал, потом коротко кивнул.

— Хорошо.

Это было не примирение.

Но уже не раскол.

Марта сказала:

— Я принимаю минимум. Но оставляю за собой право работать скрытно, если открытый путь приведёт нас под удар.

— Пока ты сообщаешь об этом не после, а до — да, — ответил Лев.

Анна подняла руку.

— И ещё одно. Нам нужен кто-то, кто будет удерживать картину целиком, когда остальные уйдут в свои роли.

— Ты про координацию? — спросил Тихон.

— Да.

— Лев, — сразу сказала София.

— Нет, — возразил Игорь. — Он слишком вовлечён морально.

— Это ты сейчас называешь недостатком? — холодно спросила Катя.

— В координаторе — да.

— Тогда кто? Ты?

— Тоже нет.

— Почему?

— Я вовлечён в модели и могу не заметить человеческий срыв.

Тихон посмотрел по сторонам.

— Анна.

Она моргнула.

— Почему я?

— Потому что ты хуже всех переносишь хаос, а значит, будешь удерживать порядок до последнего. И потому что ты не боготворишь никого в этой комнате.

На секунду в зале повисло удивлённое молчание.

Потом Денис хмыкнул.

— А ведь он прав.

Павел кивнул.

Марта не возразила.

София задумалась, потом сказала:

— Поддерживаю.

Анна оглядела всех с выражением человека, которому только что выдали нежеланную должность в центре апокалипсиса.

— Прекрасно. Значит, когда всё пойдёт плохо, виновата буду я.

— Это и называется лидерством в неприятных обстоятельствах, — сухо заметил Игорь.

— Ещё слово, и я назначу тебя ответственным за мораль в группе.

— Это угроза.

Впервые за долгое время в зале мелькнуло нечто похожее на живую реакцию. Не смех, не лёгкость — но движение прочь от обрыва.

Лев заметил это и тихо выдохнул.

— Значит, не всё потеряно.

Но в ту же секунду сфера резко вспыхнула.

Все обернулись.

Карта мира исчезла. Вместо неё в воздухе над полом появилось другое изображение — длинная линия света, пересечённая множеством чёрных точек. Одна из точек вспыхнула красным.

Игорь побледнел первым.

— Нет...

— Что это? — спросила Анна.

Он быстро раскрыл планшет, сравнил данные и сказал уже другим голосом:

— Это не модель. Это реальное событие.

— Где? — резко спросил Лев.

Сфера увеличила участок карты. Проступили контуры места — мост, река, развязка дорог, жилые кварталы.

Марина вздрогнула.

— Это... это рядом с тем мостом.

Катя резко повернулась к ней.

— С каким?

— Где мы стояли утром.

Алексей почувствовал, как внутри всё холодеет.

— Что там начинается?

Но ответ пришёл не от Игоря.

Сфера издала низкий звук, похожий на удар по стеклу, и вывела одно слово:

РАЗЛОМ

Лица отступила на шаг.

— Нет. Слишком рано.

Матвей уже смотрел на свой компас времени. Стрелка бесшумно дрожала.

— Это первый настоящий выход трещины в мир.

— Сколько у нас времени? — спросил Павел.

Игорь даже не поднял головы.

— Меньше, чем нужно.

Анна быстро выпрямилась.

— Тогда всё. Сомнения закончились.

— Нет, — тихо сказал Денис. — Они только начались. Но

теперь придётся идти вместе, несмотря на них.

Лев посмотрел на каждого по очереди.

На Софию — свет и страх.

На Марту — скрытая готовность.

На Тихона — нервную точность.

На Анну — жёсткий порядок.

На Игоря — расчёт на грани паники.

На Лику — дрожащую ясность.

На Матвея — тяжёлую память.

На Павла — силу, которую ещё нужно удержать в рамках.

На Дениса — трезвость, оплаченная виной.

На Катю и Марину — живую, почти болезненную решимость.

И наконец — на Алексея.

Тот стоял прямо, но в глазах уже не было прежней растерянности. Только понимание, что выбора становится всё

меньше.

— Ну что, — тихо сказал Алексей, глядя на красную точку в сфере. — Похоже, судьба решила проверить, умеем ли мы сотрудничать раньше, чем мы сами в это поверим.

Никто не ответил.

Потому что это было слишком похоже на правду.

Купол снова содрогнулся.

Где-то далеко, за пределами этого места, первый настоящий разлом уже открывался в мире.

И теперь вопрос стоял не в том, смогут ли они договориться окончательно.

А в том, успеют ли они спасти хоть что-то, пока ещё спорят, как это делать.

Глава 5. План действий

После вспышки сферы никто больше не спорил вслух.

Не потому, что сомнения исчезли.

Просто у сомнений закончилась роскошь оставаться теорией.

Красная точка в центре проекции пульсировала всё быстрее. Она была маленькой — почти незначительной на карте мира, — но все в зале понимали: такие точки никогда не бывают маленькими по последствиям. Особенно если мир уже трескается не в видениях, а наяву.

Анна первой вернулась к движению.

— Все к столу, — сказала она резко. — Сейчас.

В её голосе не было просьбы. Только сталь, собранная по-

верх страха.

И, к удивлению многих, ей подчинились без возражений.

Тихон быстро развернул карты. Игорь вывел рядом свои расчёты. Лика разложила рисунки, хотя пальцы у неё заметно дрожали. Матвей поставил на край стола компас времени, и стрелка сразу дёрнулась в сторону красной точки на карте. София и Лев встали по разные стороны от сферы. Марта осталась чуть в тени, но теперь уже не пряталась — наблюдала. Павел и Денис заняли позиции так, будто и здесь, у стола, уже начиналась битва. Катя и Марина встали ближе к Алексею, а сам Алексей задержался на секунду, глядя на всех с выражением человека, который до конца не верит, что действительно стал частью этого круга.

Анна положила ладони на каменную поверхность стола.

— Говорим коротко и по делу. Первый разлом открывается у моста. Нам нужно понять три вещи: что это за разлом, что он делает с реальностью и кто куда идёт.

— Четыре вещи, — сказал Игорь.

— Какие?

Он поднял взгляд.

— И как не превратить Алексея в эпицентр ещё до того, как поймём правила.

На секунду стало тихо.

Павел коротко кивнул.

— Согласен.

Алексей усмехнулся краем губ.

— Приятно слышать, что хотя бы в этом у вас есть прогресс.

— Не привыкай, — сухо сказал Тихон.

Сфера пульсировала. Красная точка вспыхнула сильнее, и над столом возникла объёмная проекция местности: мост, река, ближайшие дома, дорожная развязка, несколько пешеходных зон, длинные полосы света, означающие линии вероятностей. Часть из них уже была деформирована.

Игорь тут же указал на них:

— Смотрите. Разлом не просто “раскалывает пространство”. Он ломает вероятностную связность.

— Переведи, — сказал Денис.

— Реальность начинает терять согласованность. Люди в зоне разлома могут принимать решения, которые не стыкуются с их временем, памятью и последствиями. Возникают противоречащие версии событий. Если это усилится, начнётся каскад.

— То есть? — спросил Алексей.

— То есть мост может одновременно стоять и быть разрушенным. Человек — идти вперёд и уже падать. Пожар — начаться до искры. И всё это будет бороться за право стать “настоящим”.

— Великолепно, — пробормотал Алексей. — Значит, мир решил сломаться максимально неудобным способом.

Лица тихо сказала:

— Я видела нечто похожее... но не так ясно. В одном из

вариантов люди на мосту начинали бежать, не понимая, от чего именно. Кто-то видел трещину в небе. Кто-то — воду над головой. Кто-то — уже случившуюся аварию, которой ещё не было.

Марина побледнела.

— Там будут обычные люди?

— Да, — ответила София. — И это самое опасное.

Анна сразу продолжила:

— Значит, цель первая — изоляция зоны без паники.

Цель вторая — стабилизация разлома. Цель третья — понять, как он связан с Алексеем.

— Я всё ещё рад, что вы не говорите загадками, — сказал Алексей.

— Это пройдёт, — буркнул Тихон.

Марта наклонилась к карте.

— Открыто действовать всем вместе нельзя.

— Почему? — спросила Катя.

— Потому что тогда мы сами усилим разлом.

Она указала на линии проекции:

— Слишком много сильных вмешательств в одной точке. Слишком много людей, каждый из которых умеет ломать предрешённость по-своему. Реальность и так нестабильна. Если мы ввалимся туда как армия исключений, она может решить, что проще разорваться окончательно.

— Снова приятно слышать хорошие новости, — сказал Алексей.

Матвей посмотрел на карту.

— Она права. Разлом похож не на врага, а на кризис выбора. Давить на него грубой силой бесполезно. Нужно входить слоями.

— Группами, — уточнил Павел.

— Именно, — сказал Матвей. — И с разными задачами.

Анна кивнула.

— Хорошо. Тогда распределяем роли. Игорь?

Он уже выводил на планшет схему.

— Нужны четыре контура работы. Внешний, внутренний, стабилизирующий и центральный.

— Звучит почти военным языком, — заметил Денис.

Павел мрачно сказал:

— Потому что похоже на операцию.

— Объясняй, — велела Анна.

Игорь быстро провёл линию по карте.

— Внешний контур держит периметр. Не даёт людям войти в зону и не даёт панике вырваться наружу. Внутренний — работает с гражданскими внутри: выводит, успокаивает, удерживает структуру поведения. Стабилизирующий — взаимодействует с самим разломом, измеряет, фиксирует, ищет ритм. Центральный — там, где будет Алексей. Потому что, хотим мы или нет, разлом почти наверняка отреагирует именно на него.

— “Почти наверняка”, — повторил Алексей. — Умеешь утешить.

— Это мой редкий талант.

София посмотрела на схему и сказала:

— Я беру внутренний контур.

Лев перевёл взгляд на неё.

— Почему?

— Потому что там будут люди. Паника, страх, видения, обрушение внутренней опоры. Свет и удержание нужны именно там.

— Ты не пойдёшь к самому разлому? — тихо спросила Лика.

— Пойду, если понадобится. Но сначала я не дам обычным людям превратиться в топливо для хаоса.

Лев несколько секунд смотрел на неё, потом коротко кивнул.

— Хорошо.

— Я с ней, — сказала Марина.

Катя сразу повернулась:

— Марина—

— Нет. Послушай. Я умею работать с состоянием людей, когда их реальность уже трещит изнутри. Если там начнутся распады восприятия, я смогу удержать хоть часть.

София мягко сказала:

— Она права.

Катя сжала губы, но возражать не стала.

— Тогда я во внешний контур, — сказала она. — На границу. Быстрое реагирование, движение, отсечение опасных

ВХОДОВ.

Павел сразу ответил:

— Я с тобой.

Катя подняла бровь.

— Ты хочешь спорить с людьми на периметре?

— Я хочу закрыть направление, если из разлома выйдет нечто хуже паники.

На это никто не возразил.

Денис медленно кивнул.

— Тогда я тоже внешний. Но с правом войти внутрь, если потеряем кого-то из своих.

— Слишком много тяжёлой силы на одном контуре, — сказал Игорь.

— Не нравится? — спросил Павел.

— Нравится меньше, чем обвалившийся мост.

Тихон постучал пальцем по карте.

— Подождите. Внешний контур нужен не просто как заслон. Нужен человек, который видит пути отхода и точки ложного движения. Если разлом начнёт дублировать пространство, люди могут идти “на выход”, а на самом деле глубоже в разрыв.

— Ты это умеешь отслеживать? — спросила Анна.

— Частично. По структуре местности и паттернам нарушения.

— Значит, ты идёшь с ними, — сказала она.

— Как будто у меня был шанс отвертеться.

Марта чуть усмехнулась.

— Был. Но ты опоздал.

Анна продолжила:

— Стабилизирующий контур — я, Игорь и Матвей.

— Почему я? — спросил Матвей, хотя по голосу было ясно: он уже знает ответ.

— Потому что ты лучше всех понимаешь цену вмешательства во временную структуру. Если разлом начнёт порождать альтернативные ходы событий, нам нужен кто-то, кто различит, что можно трогать, а что — нет.

Матвей опустил взгляд на компас.

— Это будет на грани.

— Всё уже на грани, — сухо сказала Анна.

Игорь указал на приборы в кейсе.

— Я смогу измерять пульс разлома. Анна — фиксировать материальные отклонения. Матвей — отслеживать временной сдвиг. Вместе этого достаточно, чтобы не работать вслепую.

— Достаточно, чтобы умереть более информированно, — пробормотал Тихон.

— Спасибо за поддержку, — бросила Анна.

Лица всё это время молчала, глядя на свои рисунки.

Лев заметил это:

— А ты?

Она вздрогнула, будто её вытащили из дурного предчувствия.

— Я... не должна быть у самого входа.

— Почему? — спросил Алексей.

Лица подняла на него глаза.

— Потому что я уже начинаю видеть варианты слишком быстро. Если войду в разлом без якоря, могу запутаться в возможностях и перестать различать настоящее.

— Тогда ты остаёшься здесь? — спросила Катя.

— Нет, — неожиданно сказал Матвей.

Все посмотрели на него.

— Ей нужен не покой, а правильная дистанция. Лица должна быть связующим звеном между полем и картиной будущего. Не внутри центра, не снаружи. На наблюдательной точке.

Анна быстро поняла:

— Аналитическая позиция вне прямого удара.

— Да, — кивнул Матвей. — Она будет ловить сдвиги до того, как мы их увидим вживую.

Игорь поддержал:

— Это разумно. Упреждающее видение без погружения в пик нестабильности.

Лица нервно улыбнулась.

— Никогда не думала, что однажды меня назовут “упреждающим инструментом”.

— Ты не инструмент, — тихо сказала София.

— Сегодня все мы немного инструменты, — без злобы сказал Денис. — Вопрос только в том, умеем ли оставаться

людьми.

Эта фраза повисла между ними тяжелее, чем хотелось бы.

Анна посмотрела на карту.

— Хорошо. Остаётся центральный контур.

И сразу стало ясно: это главный разговор.

Даже сфера будто замедлила пульсацию.

Алексей отступил на полшага.

— О нет. Я уже чувствую, что сейчас вы начнёте решать, кому меня “доверить”.

— Не доверить, — сказала Анна. — Сопровождать.

— Разница звучит красиво. Суть та же.

Лев шагнул ближе к столу.

— Алексей должен быть не под охраной, а в ядре решения.

— Красивые слова, — тихо сказал Павел. — Но если разлом ударит по нему прямо, мы останемся без ключа.

— Если мы отнимем у него свободу, — ответил Лев, — ключ перестанет быть ключом раньше.

Павел ничего не сказал, но взгляд у него остался тяжёлым.

Катя заговорила первой:

— Я иду с ним.

— Я тоже, — сразу сказала Марина, но потом осеклась и посмотрела на Софию. — Если это не разрушит внутренний контур.

София мягко покачала головой.

— Твоё место там, где люди. Иначе я не отпущу тебя спо-

койно.

Марина болезненно выдохнула, но спорить не стала.

— Тогда кто? — спросил Алексей. — Или предполагается, что я пойду в центр один и мир растрогается моим одиночеством?

— Не один, — сказал Денис.

— Но и не в толпе, — добавил Матвей.

Марта смотрела на карту, потом тихо произнесла:

— Лев.

Все обернулись к ней.

— Почему? — спросила Катя.

— Потому что он единственный из нас говорит с идеей ответственности так, словно это не лозунг, а живая вещь. Если разлом действительно питается отказом от выбора, рядом с Алексеем должен быть тот, кто не будет выбирать за него... но и не даст ему упасть в пустоту.

Лев не ответил сразу.

София посмотрела на него внимательно.

— Она права.

Павел нахмурился.

— Этого мало.

— Тогда кто ещё? — спросил Лев.

Ответ пришёл неожиданно от самого Алексея:

— Не кто “сильнее”. Кто скажет мне правду, даже если я захочу сбежать.

Тишина стала почти звенящей.

Денис медленно кивнул.

— Тогда Катя.

Катя подняла глаза.

— Я?

— Да, — сказал Алексей. — Потому что ты не будешь мне врать из жалости.

Она смотрела на него несколько секунд, потом тихо ответила:

— Не буду.

— И не дашь мне исчезнуть под красивым предложением.

— Не дам.

Лев перевёл взгляд с Кати на Алексея.

— Значит, центр: я, Катя и Алексей.

— Слишком мало, — сказал Павел.

— Достаточно, — ответил Алексей. — Если вы правда верите, что решение за мной, не превращайте это в процессию охраны.

Павел хотел возразить, но Денис положил руку ему на предплечье.

— Оставь.

Павел посмотрел на него недовольно.

— Ты уверен?

— Нет, — честно сказал Денис. — Но он впервые говорит как человек, который уже понял вес происходящего. Не забирай это у него.

Павел медленно выдохнул и отступил.

Анна быстро подвела итог:

— Итак. Внешний контур: Павел, Денис, Тихон, Катя до входа в центр. Внутренний: София и Марина. Стабилизирующий: я, Игорь, Матвей. Наблюдательная точка: Лика. Центральный: Лев, Катя, Алексей.

— А Марта? — спросила Лика.

Все посмотрели на неё.

Марта стояла спокойно, будто давно ждала этого вопроса.

— Я не в контуре, — сказала она.

— Что это значит? — резко спросила Анна.

— Это значит, что я пойду между.

— Очень удобно, — сухо сказал Игорь.

— Очень нужно, — ответила Марта. — Если разлом начнёт порождать ложные ходы, зеркальные проходы, теневые дубликаты и скрытые выбросы, кто-то должен работать там, где карта больше не совпадает с местностью.

Матвей кивнул раньше остальных.

— Да. Такие зоны обязательно появятся.

— И ты сможешь их отслеживать? — спросил Лев.

— Смогу. Но не обещаю, что всё будет красиво.

— От тебя этого никто и не ждёт, — заметил Тихон.

Марта слабо усмехнулась.

— Наконец-то хоть в чём-то взаимопонимание.

Сфера снова вспыхнула. На карте моста появились первые подвижные искажения — неясные световые пятна, как будто несколько вариантов местности начинали накладываться

друг на друга.

Игорь резко поднял голову.

— У нас проблема.

— Какая именно из всех? — спросил Алексей.

— Разлом уже реагирует на наше обсуждение.

Анна нахмурилась.

— В каком смысле?

Игорь приблизил схему. На ней центральная зона словно “слушала” распределение ролей: одни линии усиливались, другие гасли.

— Он выстраивает ответ под нашу структуру. Как будто не просто возникает... а приспособливается.

— То есть он живой? — тихо спросила Марина.

— Не обязательно, — сказал Матвей. — Но он точно не пассивен.

Лица вдруг резко схватилась за край стола.

— Подождите.

Все повернулись к ней.

Её лицо стало белым.

— Что ты видишь? — быстро спросила София.

— Неясно... слишком быстро... Я вижу мост. Вижу бегущих людей. Вижу свет под водой. Вижу... — она зажмурилась. — Вижу Алексея у края разлома. И рядом кого-то ещё.

— Кого? — спросил Лев.

Лица открыла глаза. В них был настоящий страх.

— Не нас.

Тишина ударила сильнее грома.

Павел мгновенно выпрямился.

— Враг?

— Не знаю.

— Тень? Дубликат? — быстро спросил Матвей.

— Не знаю!

Лица почти сорвались на крик, потом заставила себя дышать ровнее.

— Он похож... как будто на человека. Но не живого обычным образом. Словно кто-то, рождённый не судьбой, а трещиной между вариантами.

Алексей медленно произнёс:

— То есть к моему чудесному предназначению теперь прилагается ещё и кто-то, кто хочет говорить со мной раньше вас?

— Или забрать раньше нас, — сказал Денис.

— Спасибо, Денис, это было очень нужно.

Но никто уже не пытался шутить по-настоящему.

Анна быстро сказала:

— Тогда в план добавляем ещё одну цель. Контактный риск.

— Объясни, — попросил Лев.

— Если сущность или фигура, связанная с разломом, выйдет на Алексея, никто не действует в одиночку. Ни защита, ни переговоры, ни удар. Только парами или тройками. Мы слишком мало знаем.

Павел кивнул.

— Поддерживаю.

— Я тоже, — сказал Денис.

Катя посмотрела на Алексея.

— И ты тоже.

Он вздохнул.

— Да понял я уже. Один в центр апокалипсиса не убегаю.

Все довольны?

— Пока нет, — сказал Игорь. — Но это уже прогресс.

Лев провёл ладонью над картой, словно собирая в единое целое не линии, а людей.

— Нам нужен не просто план. Нам нужна логика плана.

— То есть? — спросила София.

— Каждый должен понимать не только свою задачу, но и почему именно его место — там. Иначе при первом сбое начнётся путаница.

Матвей тихо сказал:

— Тогда проговорим это вслух.

Анна коротко кивнула.

— Давайте.

София заговорила первой:

— Я и Марина идём к людям, потому что страх — первое оружие разлома. Если удержим человеческое ядро, выиграем время.

Марина добавила:

— И если у людей начнёт ломаться восприятие, я смогу

возвращать их к простым вещам: голосу, телу, памяти, настоящему моменту.

Павел сказал:

— Я, Денис и Тихон держим внешний пояс, потому что хаос любит распоздаться. Мы не дадим зоне стать больше, чем она уже есть.

Тихон поднял палец:

— И не дадим людям идти туда, где “кажется безопасно”, но на деле уже нет.

Денис продолжил:

— А если из разлома выйдет нечто активное, мы встретим его не паникой, а порядком силы.

Анна сказала:

— Я, Игорь и Матвей работаем с сердцем явления, потому что кто-то должен видеть, что происходит на уровне структуры, а не только на уровне боя.

Игорь сухо добавил:

— И потому что лучше нас троих никто не отличит нестабильность от необратимости.

Матвей посмотрел на свою дрожащую стрелку.

— И кто-то должен вовремя сказать “стоп”, если попытка стабилизации сама станет новой ошибкой.

Лица глубоко вдохнула:

— Я на наблюдательной точке, потому что буду видеть смещения раньше остальных. Даже если это больно. Даже если страшно.

Марта сказала почти шёпотом:

— Я между, потому что некоторые проходы откроются только там, где мир уже перестанет быть честным с географией.

Лев повернулся к Алексею.

— А мы втроём идём в центр, потому что выбор не должен быть ни одиноким, ни навязанным. Тебе нужен свидетель и нужен тот, кто удержит тебя в реальности, но не заступит вместо тебя.

Катя тихо добавила:

— И потому что если ты начнёшь сомневаться в себе, я напомню тебе, что страх не отменяет решения.

Все посмотрели на Алексея.

Он молчал дольше, чем ожидали.

Потом медленно сказал:

— А я иду в центр, потому что, похоже, всё это вообще началось ради момента, когда кто-то без линии судьбы наконец перестанет прятаться за отсутствием роли.

Никто не ответил сразу.

Потому что эти слова прозвучали неожиданно взрослым, тяжёлым, почти горьким принятием.

София едва заметно улыбнулась.

Лев опустил взгляд, будто признал что-то важное.

Даже Павел перестал смотреть на Алексея как на объект

защиты и впервые — как на участника решения.

Но именно в этот момент сфера ударила светом так резко, что все невольно отшатнулись.

Карта исчезла.

На её месте возникло новое изображение.

Мост.

Ночь, хотя сейчас был день.

Вода, светящаяся изнутри.

Люди, бегущие в разные стороны.

Белые трещины в воздухе.

И в центре — человеческая фигура у самого края разлома.

— Это он? — быстро спросила Катя.

Лица вгляделась и побледнела ещё сильнее.

— Нет.

— Тогда кто? — спросил Денис.

Сфера приблизила изображение.

Фигура медленно подняла голову.

И все увидели лицо.

Оно было похоже на Алексея.

Но не совсем.

Слишком спокойное.

Слишком пустое.

Словно это был не человек, а версия человека, у которого убрали всё живое и оставили только возможность выбора без совести.

Алексей сам отступил на шаг.

— Это ещё что за...

Матвей выдохнул первым:

— Альтернативный отголосок.

Игорь быстро добавил:

— Или воплощённый сценарий. Один из тех вариантов, где свободный выбор отрывается от ответственности.

Лев не сводил глаз с изображения.

— Значит, разлом уже создаёт ответ.

Катя сжала кулаки.

— Он идёт за Алексеем?

Сфера не ответила словами.

Но фигура в проекции медленно повернула голову, будто услышала вопрос, и посмотрела прямо на них.

Прямо сквозь свет.

Прямо через расстояние.

Прямо в зал под куполом.

У Лики вырвался сдавленный вдох.

Павел шагнул вперед.

София подняла руку, готовая к свету.

Марта мгновенно ушла на полшага в тень.

Анна схватила прибор.

Игорь побледнел так, будто расчёт внезапно посмотрел ему в глаза.

А чужой Алексей — или то, что им притворялось, — медленно улыбнулся.

И в следующий миг изображение погасло.

В зале остался только их собственный тяжёлый воздух и пульсирующая красная точка на карте.

Первым заговорил Денис:

— План у нас есть.

Павел мрачно закончил:

— А теперь появился противник.

Лев выпрямился.

— Тогда больше ни минуты.

Анна уже закрывала кейс с оборудованием.

— Все запомнили свои роли?

— Да, — ответили почти одновременно.

Она посмотрела на каждого по очереди, будто в послед-

ний раз проверяя, действительно ли это уже не группа сомневающихся одиночек, а что-то большее.

— Тогда идём, — сказала она.

Алексей не отрывал взгляда от места, где секунду назад было чужое лицо.

— Скажите честно, — тихо произнёс он. — Это вообще нормально, что мой возможный двойник выглядит так, будто давно знает, чем всё закончится?

Никто не улыбнулся.

Лев подошёл к нему ближе.

— Нет. Ненормально.

— Хорошо. Просто хотел уточнить.

Катя встала рядом.

— Боишься?

Он усмехнулся очень слабо.

— Уже не только за себя.

И это было, возможно, самым важным изменением за весь вечер.

Купол снова дрогнул.

Где-то далеко трещина на мосту становилась шире.

План был готов.

Роли были распределены.

Союз ещё оставался хрупким, но уже обрёл форму. Теперь всё должно было решиться не в словах. А там, где первый настоящий разлом уже ждал их —

и где кто-то с лицом Алексея, похоже, собирался встретить их раньше, чем сама катастрофа покажет своё настоящее имя.

Глава 6. Первые столкновения

Они вышли из-под купола уже не как собрание, а как движение.

Не стройное.

Не идеальное.

Не даже уверенное до конца.

Но движение.

Воздух снаружи был другим — плотнее, резче, как перед грозой, которая уже началась где-то за пределами видимого неба и только теперь добиралась до земли. Над равниной тянулись тонкие белые прожилки, похожие на царапины на стекле. Они возникали на секунду, гасли, появлялись снова, будто само пространство пыталось решить, оставаться ему целым или нет.

Лев шёл первым.

Чуть позади — Анна и Игорь с кейсами.

Павел, Денис и Тихон уже держали дистанцию, словно внешний контур начинался не у моста, а с самого первого шага.

София и Марина двигались рядом, негромко переговариваясь.

Лица шла молча, слишком часто поднимая взгляд к небу.

Матвей не отрывал глаз от компаса времени.

Марта несколько раз почти исчезала из общего строя, будто сама тень на ходу примеряла её к себе.

Катя держалась возле Алексея.

А Алексей всё время ловил себя на странной мысли: он идёт вместе с ними, но ещё не до конца верит, что действительно стал частью этой цепи.

Дорога к мосту занимала меньше времени, чем должна была.

Это заметил первым Тихон.

— Остановитесь, — резко сказал он.

Павел сразу замер и обернулся.

— Что?

— Мы прошли слишком быстро.

— Сколько “слишком”? — спросила Анна.

Тихон бросил взгляд на часы, потом на местность.

— Минут на двенадцать.

Игорь тут же достал планшет.

— Не может быть.

— Ага, — отозвался Тихон. — Мне тоже не нравится этот аргумент.

Матвей посмотрел на компас. Стрелка дёргалась, как су-масшедшая.

— Может.

Все остановились.

Ветер вдруг резко сменил направление. На миг стало слышно, как где-то вдали шумит вода. Хотя река была ещё слишком далеко.

— Мы уже вошли в область предварительного искажения, — сказал Матвей. — Разлом начал менять путь к себе.

— То есть? — спросил Алексей.

— То есть он хочет, чтобы мы пришли быстрее, чем успе-ем подготовиться, — ответила Марта.

— Или хочет рассредоточить восприятие времени, — до-бавил Игорь. — Чтобы мы потеряли синхронность.

Павел сразу повернулся к Льву.

— Тогда прекращаем разговоры и ускоряемся.

— Нет, — резко сказала Анна.

Павел посмотрел на неё жёстко.

— Почему нет?

— Потому что это именно то, чего ждёт разлом. Если он уже вмешивается в темп, значит, следующий шаг — разбить нас на реакцию.

— А если мы будем ползти осторожно, люди на мосту погибнут быстрее.

— А если влетим туда без проверки, погибнут и люди, и мы, — отрезала Анна.

Павел шагнул к ней.

— Я не привык ждать, пока теория догонит катастрофу.

— А я не привыкла отправлять людей в хаос без понимания, как он работает.

Напряжение вспыхнуло мгновенно.

София сделала шаг между ними.

— Сейчас не время.

— Именно сейчас, — сказал Павел, не отрывая взгляда от Анны. — Потому что там, где нужен выбор, бесконечная осторожность тоже может стать предательством.

Анна побледнела от злости, но голос её остался холодным:

— А грубое действие очень любит притворяться мужеством.

— Я не говорил о грубости.

— Ты всегда о ней говоришь, просто разными словами.

Павел уже открыл рот для ответа, но Денис положил ладонь ему на плечо.

— Хватит.

— Не лезь, — бросил Павел.

— Придётся. Потому что ты опять делаешь то, что делал всегда: хочешь решить всё скоростью до того, как станет ясно, куда бить.

Павел медленно повернул голову.

— А ты опять делаешь то, что делаешь всегда: тормозишь в последний момент, потому что боишься повторить свои ошибки.

Воздух будто стал ещё холоднее.

Денис не убрал руки.

— Возможно. Но хотя бы я знаю, что они у меня были.

Никто не вмешивался.

Потому что здесь говорил не только спор о тактике.

Говорила старая боль, давно накопленная в людях, привыкших жить после решений, которые нельзя отменить.

Лев тихо, но твёрдо произнёс:

— Слушаем меня. Сейчас.

И это сработало не потому, что он повысил голос, а потому, что сказал его так, будто за его словами уже стояло что-то большее, чем личное мнение.

— Анна права в одном: нельзя дать разлому рвануть наш ритм. Павел прав в другом: мы не можем остановиться в анализе, пока там рушится реальность. Значит, делаем промежуточный ход.

— Какой? — спросила Катя.

Лев посмотрел на Тихона и Марту.

— Вы двое проверяете ближайший участок пути. Не глубоко. Только подтверждение: нас ведут напрямую или уже пытаются сместить.

Марта прищурилась.

— Меня ставят в пару с человеком, который не доверяет тени?

Тихон фыркнул.

— Я не доверяю не тени. Я не доверяю привычке исчезать в середине задачи.

— Это называется гибкостью.

— Это называется невозможностью понять, где ты, когда всё рушится.

Марта посмотрела на него спокойно, почти холодно.

— Хочешь, чтобы я работала у тебя на глазах? Тогда научись не стрелять в то, что не понимаешь.

— Прекрасно, — пробормотал Алексей. — Обожаю, когда команда спасения мира звучит как собрание людей перед дракой.

Катя тихо сказала:

— Алексей.

— Что? Я просто фиксирую атмосферу.

Лев перевёл взгляд на Марту и Тихона.

— Вы справитесь.

— Если он не будет считать, что любая тень — это заго-

вор, — сказала Марта.

— Если она не исчезнет и не вернётся с фразой “я всё решила сама”, — ответил Тихон.

Марта чуть усмехнулась.

— Смотри-ка. Значит, говорить честно у нас получается не только под угрозой конца света.

И, не дожидаясь ответа, шагнула в сторону.

Тень у её ног вытянулась, исказилась, и через секунду она уже скользнула в полосу серого света между камнями. Тихон выдохнул так, будто внутренне уже пожалел, но всё же пошёл следом обычным шагом, держа в руках карту и какой-то узкий металлический прибор.

— Если через три минуты не вернётесь, — сказал Павел им вслед, — я иду за вами.

— Это было угрожающе или заботливо? — бросил Тихон через плечо.

— Это было конкретно.

Они исчезли за изломом дороги.

На оставшихся навалилась короткая, нервная пауза.

Лица вдруг подняла голову.

— Мне не нравится небо.

Все машинально посмотрели вверх.

Там, где минуту назад тянулись лишь тонкие белые прожилки, теперь уже появились две явные трещины — длинные, почти параллельные, будто кто-то провёл ногтем по самому воздуху.

София тихо выдохнула:

— Они становятся глубже.

Марина прислонила пальцы к вискам.

— И люди это тоже почувствуют. Даже если не поймут, что видят.

Анна включила один из приборов. На экране поползли резкие скачки.

— Пространственное давление растёт.

— Не только пространственное, — сказал Игорь, глядя на планшет. — Смотрите.

Он развернул экран.

На схеме их группа больше не отображалась как единый кластер. Линии вокруг них начали дробиться на отдельные секторы, как будто сама вероятность уже сомневалась, смогут ли они сохранить общую траекторию.

— Это плохо? — спросил Алексей.

Игорь поднял на него взгляд.

— Если простыми словами — мир уже считает нас группой, которая может расколоться до входа в зону.

— Спасибо, что без украшений.

— Ты сам просил.

Павел скрестил руки на груди.

— Тогда перестанем выглядеть так, будто готовы друг друга резать, и пойдём дальше.

— Не всё так просто, — тихо сказала София.

Он повернулся к ней.

— Почему?

Она посмотрела сначала на него, потом на Дениса, потом на Анну.

— Потому что разлом не просто наблюдает. Он нащупывает наши старые трещины. Усиливает именно то, что уже было.

— Ты думаешь, это он нас стравливает? — спросила Катя.

— Не создаёт с нуля, — ответила София. — Но подталкивает то, что и так болит.

Матвей, всё это время молчавший, вдруг заговорил:

— Тогда будьте внимательны. Самые опасные конфликты сейчас будут выглядеть как “очевидная правота”.

Эта фраза ударила особенно сильно.

Потому что каждый из них хотя бы раз в жизни разрушал что-то важное именно в момент, когда был уверен, что действует правильно.

Алексей посмотрел на Матвея.

— Ты сейчас говоришь как человек, который уже видел это раньше.

Матвей не сразу ответил.

— Видел.

— И что было?

Тот перевёл взгляд на трещины в небе.

— Люди начинали спорить не о мелочах. О принципах. О том, кто имеет право решать. Кто слишком мягок. Кто слишком жесток. Кто слишком скрытен. Кто слишком холоден.

А потом приходил момент, когда враг уже не нужен. Группа ломала себя сама.

Наступила тишина.

Почти сразу после неё из-за поворота снова появились Марта и Тихон.

Точнее — сначала появился Тихон, быстрым, злым шагом.

— Плохие новости, — бросил он. — И ещё хуже новости.

— Начни с плохих, — сказал Денис.

— Путь раздваивается, хотя не должен. Одна дорога ведёт к мосту быстрее, но через искажение. Другая дольше, но стабильнее.

— А хуже? — спросила Анна.

Марта вышла из тени следом, и на лице её не было ни следа привычной сухой уверенности.

— Быстрая дорога уже знает нас.

— Что значит “знает”? — спросил Лев.

Она посмотрела прямо на Алексея.

— Там стоит человек с его лицом.

Никто не пошевелился.

Даже Алексей не сразу понял, что дыхание у него сбилось.

— Ты уверена? — спросила Катя.

— Я подошла достаточно близко, чтобы увидеть глаза.

— И? — тихо сказал Лев.

— Это не он. Но оно ждёт именно нас.

Павел сразу сказал:

— Значит, идём долгим путём.

— Нет, — возразил Игорь. — Если быстрая дорога уже сформировалась под контакт, её нельзя просто игнорировать. Тогда она может врезаться в основную линию сама.

— Ты хочешь пойти навстречу существу, которое копирует Алексея? — спросил Денис.

— Я хочу не делать вид, будто такая проблема исчезает, если на неё не смотреть.

— Это уже напоминает дурной сон, — пробормотал Алексей.

Тихон бросил карту на камень и ткнул в две линии.

— Есть ещё деталь. Долгий путь безопаснее для группы. Быстрый — опаснее, но может дать нам преимущество во времени, если разлом ещё не развернулся полностью.

Павел тут же поднял голову:

— Тогда часть идёт быстрым.

— Нет, — резко сказала Катя. — Мы только что договорились не делиться бессмысленно.

— Это не бессмысленно. Это тактика.

— Это риск нарваться на двойника до того, как мы вообще поймём, на что он способен.

— Если будем тянуть, люди на мосту окажутся в центре разлома раньше нас!

И снова спор вспыхнул слишком быстро.

Анна ударила ладонью по кейсу.

— Тихо!

На секунду все замолчали.

— Решение должно быть не “кто кого перекричит”, — сказала она. — Нужно понять природу контакта.

Ли́ка, до этого стоявшая в стороне, вдруг резко побледнела и вцепилась в руку Софии.

— Нет...

София сразу повернулась к ней.

— Что ты видишь?

— Две версии, — прошептала Ли́ка. — Если мы все идём долгим путём — мост трескается раньше, и люди застревают внутри складывающихся вариантов. Если часть идёт быстрым — кто-то из нас сталкивается с двойником до разлома... и после этого уже не все возвращаются собой.

Тишина после этих слов стала почти осязаемой.

— “Не все возвращаются собой” — это что вообще значит? — медленно спросил Алексей.

Ли́ка зажмурилась.

— Я не знаю. Там лица те же. Голоса те же. Но внутри... словно кто-то уже сделал другой выбор и принёс его обратно.

Марта тихо сказала:

— Разлом учится на людях.

Денис выругался сквозь зубы.

Павел резко перевёл взгляд на Льва:

— Решай.

Лев не ответил сразу.

Он стоял неподвижно, глядя на две дороги, словно пытал-

ся увидеть не камни и не расстояние, а вес каждого варианта.

Катя напряглась.

— Не торопись.

— У нас нет на это права, — ответил Павел.

— А ошибиться есть? — резко бросила она.

— Ошибка уже идёт нам навстречу!

— И именно поэтому не надо бежать ей в объятия!

Павел шагнул к ней.

— Если ты думаешь, что защита Алексея важнее моста—

Катя мгновенно вспыхнула:

— А если ты думаешь, что его можно разменять на тактическое преимущество—

Павел остановился так резко, будто его ударили.

— Я этого не говорил.

— Но допускаешь.

— Я допускаю, что в катастрофе нет безупречных решений!

— А я допускаю, что именно из-за таких решений люди потом годами учатся смотреть себе в глаза!

В этот раз между ними встал Денис.

— Всё.

— Уйди, — сказала Катя сквозь зубы.

— Нет.

Она посмотрела на него с явным раздражением.

— Ты всегда за него заступаешься?

— Нет. Я заступаюсь за момент, который ещё можно не

превратить в раскол.

Павел ничего не сказал, но впервые за всё время отвёл взгляд.

Лев наконец заговорил:

— Делимся. Но не как раньше.

Все повернулись к нему.

— Быстрым путём идут трое, — продолжил он. — Не для боя. Для контакта и сдерживания. Долгим — остальные, чтобы выйти к мосту и начать работу с зоной.

— Кто трое? — спросил Матвей.

Лев посмотрел на Алексея.

Потом на Катю.

Потом на Марту.

— Нет, — сразу сказала Катя. — Марта слишком непредсказуема для первой встречи.

Марта подняла брови.

— Какая трогательная формулировка.

— Я не оскорбляю. Я говорю правду.

— А я говорю, что на быстрой дороге вы без меня не увидите скрытый сдвиг, пока он уже не укусит вас за горло.

Павел вмешался:

— Я иду с ними.

— Нет, — сказал Лев.

— Почему?

— Потому что ты сейчас слишком готов к силовому ре-

шению.

Павел шагнул вперёд:

— А ты слишком готов разговаривать с тем, что может оказаться ловушкой.

— И кто-то из нас должен выбрать не удар первым.

— Иногда первый удар и спасает.

— Иногда первый удар делает тебя частью чужого сценария!

Голос Льва впервые за всё время прозвучал жёстко. Не громко. Но с такой внутренней силой, что даже Павел на секунду замер.

София посмотрела на него внимательно. Кажется, она тоже редко слышала в нём такой металл.

Павел медленно выдохнул.

— Значит, ты считаешь, что я сорву контакт.

— Я считаю, что разлом хочет именно твоей реакции.

Это было сказано так точно, что спорить сразу стало труднее.

Павел сжал кулаки, но промолчал.

Анна быстро сказала:

— Тогда основной состав идёт долгим путём: я, Игорь, Матвей, София, Марина, Лика, Павел, Денис, Тихон. Готовим периметр и вход в зону. Быстрая группа — Лев, Катя, Марта, Алексей.

— Я не в восторге, — пробормотал Тихон.

— Никто не в восторге, — ответила Анна.

Игорь ткнул в экран:

— Синхронизация каждые три минуты. Если у быстрой группы пропадает связь более чем на один цикл — считаем, что дорога начала переписывать контакт.

— И что тогда? — спросил Алексей.

Игорь поднял на него взгляд.

— Тогда мы решаем, спасти вас... или не дать вам вернуться не теми.

Катя холодно сказала:

— Ещё одно такое утешение, и я сама отключу твой планшет.

— Но он прав, — тихо сказал Матвей.

И от этого стало только хуже.

Две группы разошлись на развилке.

Долгий путь уходил вдоль сухой каменной гряды, где ветер выл всё громче.

Быстрый — вниз, через низину, в которой воздух уже дрожал, как над раскалённым металлом.

Алексей, Лев, Катя и Марта пошли туда, где ждать их точно не должно было ничего нормального.

Первые минуты никто не говорил.

Трава под ногами то казалась обычной, то стеклянной.

Камни меняли оттенок.

Тени иногда запаздывали на долю секунды.

Алексей не выдержал первым:

— Ну и кто-нибудь хочет объяснить, почему именно это я теперь считаю своей жизнью?

Катя искоса посмотрела на него.

— Шутишь, потому что страшно?

— А что, есть ещё варианты?

— Есть. Молчать и пугаться внутри.

— Нет уж. Мне мой способ ближе.

Лев шёл чуть впереди, внимательно глядя на пространство.

— Не теряйся в разговоре. Здесь всё будет пытаться сделать нас неуверенными даже в мелочах.

— Уже делает, — сказала Марта.

— Что ты видишь? — спросил Лев.

— Не видишь, а чувствуешь, — ответила она. — Тут не просто искажение. Тут ожидание. Как будто сама дорога хочет, чтобы мы вступили в определённый разговор.

Алексей невесело усмехнулся.

— Прекрасно. Даже дорога хочет от меня серьёзных бесед.

Катя посмотрела на него.

— Ты держишься?

Он пожал плечами.

— Пока да. Но я всё ещё не решил, что хуже: конец мира или то, что у меня, кажется, есть собеседник с моим лицом.

Марта тихо сказала:

— Не недооценивай второе.

Он повернулся к ней.

— Ты правда думаешь, что это может быть... мной?

— Нет.

— Тогда чем?

Она немного помолчала.

— Возможностью тебя. Без памяти. Без вины. Без связей.

Без того, что делает выбор человеческим.

От этих слов стало холоднее.

Даже Катя невольно ближе подошла к Алексею.

— Очень обнадеживает, — сказал он. — То есть где-то там ходит моя версия, которой не мешает совесть?

— Или боль, — добавил Лев.

— Или любовь, — тихо сказала Катя.

Марта взглянула на неё, но ничего не ответила.

В этот момент воздух впереди дрогнул.

Не как от ветра.

Не как от тепла.

Скорее — как ткань, которую кто-то резко натянул изнутри.

Все четверо остановились.

Низина впереди словно потускнела, а потом снова стала

чёткой. И посреди тропы, в нескольких десятках шагов, стоял человек.

Высокий.

Неподвижный.

В тёмной одежде.

С лицом Алексея.

На этот раз никто не спросил, тот ли это.

Потому что ответ был слишком очевиден.

Настоящий Алексей замер так резко, что Катя схватила его за предплечье.

— Не подходи.

— Я и не собирался.

Но голос его прозвучал не так уверенно, как хотелось бы.

Фигура впереди чуть наклонила голову, будто разглядывала их с вежливым интересом.

Потом заговорила.

Голос был похож.

Слишком похож.

Только в нём не было человеческой шероховатости — той самой неровности, которая рождается из сомнений, усталости, боли, смеха. Этот голос был ровным, почти идеальным.

— Вы всё-таки пришли раньше, чем должны были.

Алексей медленно выдохнул.

— Нет, ну это уже просто издевательство.

Фигура улыбнулась.

— Ты всегда прячешь страх в слова?

— А ты всегда крадёшь чужие лица для первого впечатления?

Лев шагнул на полшага вперёд.

— Кто ты?

— Хороший вопрос, — ответил двойник. — Жаль, что вы задаёте его слишком поздно.

Марта тихо сказала:

— Не слушайте интонацию. Она пытается подстроиться.

— “Она”? — переспросил Алексей.

— Это не человек, — отозвалась Марта.

Двойник повернул голову к ней.

— А ты всегда спешишь лишить вещи имени, когда боишься, что оно ответит?

Марта впервые за всё время чуть изменилась в лице.

Катя заметила это и напряглась ещё сильнее.

— Оно читает нас, — сказала она.

— Конечно, — спокойно ответил двойник. — Вы пришли ко мне с таким количеством трещин, что не услышать их было бы грубо.

Лев не сводил с него взгляда.

— Если ты связан с разломом, скажи прямо: чего ты хо-

чешь?

— Я? — фигура снова улыбнулась. — Ничего. Хотеть — это слишком человеческое слово.

— Тогда зачем ты здесь?

— Чтобы посмотреть на момент, в котором свобода впервые испугается самой себя.

Настоящий Алексей сжал зубы.

— Слушай, у меня и без тебя день тяжёлый. Не хочешь говорить нормально — исчезни.

Двойник перевёл взгляд на него.

И на секунду стало по-настоящему страшно.

Потому что в этих глазах не было ненависти.

Не было злобы.

Не было даже презрения.

Там была пустая ясность.

— Ты ведь уже понял, — сказал он тихо. — Они боятся не конца мира. Они боятся того, что ты можешь выбрать не то, что им нужно.

Катя резко шагнула вперёд:

— Замолчи.

— Почему? Потому что ложь удобнее?

— Потому что ты давишь на слабое.

— Я ничего не давлю. Я просто называю то, что уже есть.

Пока он говорил, воздух вокруг начал дрожать всё сильнее. По краям его силуэта появлялись едва заметные белые нити, будто он и правда был не существом, а сгустком вариантов.

Лев сказал тихо, но очень твёрдо:

— Алексей, не отвечай ему из боли.

— Отличный совет, — буркнул тот. — Жаль, что он похож на невозможный.

Марта внезапно шагнула в сторону, меняя угол.

— Лев.

— Что?

— Оно не просто говорит. Оно держит нас на месте.

И правда.

Все почувствовали это почти одновременно.

Пока они стояли и слушали, сама дорога вокруг начала меняться. Камни сдвигались. Трава темнела. Где-то за спиной возник ещё один изгиб тропы, которого не было минуту назад.

Катя резко обернулась.

— Оно строит ловушку.

— Наконец-то, — сказал двойник, — вы начинаете замечать важное.

Лев мгновенно поднял руку:

— Назад. Медленно. Не разрывая линию взгляда.

Но Алексей не двинулся.

Катя дёрнула его за рукав.

— Алексей.

Он не отводил глаз от фигуры впереди.

— Нет.

— Что значит “нет”?

— Это всё вокруг меня. Всё крутится вокруг моего выбора, да? Тогда я хочу хотя бы один раз услышать ответ не от вас.

Катя побледнела.

— Это ловушка.

— Я знаю.

— Тогда почему—

— Потому что если я сейчас отступлю только потому, что всем страшно, это уже тоже будет выбор.

Лев резко повернулся к нему.

— И он будет сделан не свободно, а под нажимом чужой игры.

Двойник чуть улыбнулся шире.

— Смотри. Они уже начали говорить за тебя.

Катя почти сорвалась:

— Я не говорю за него, я пытаюсь удержать его живым!

— Иногда это одно и то же, — ответил двойник.

— Нет, — тихо сказал Лев. — Иногда это самая страшная подмена.

Алексей смотрел то на одного, то на другого, и в какой-то момент Марта поняла: ещё секунда, и всё сорвётся.

Она резко ушла в тень.

Просто исчезла.

— Марта! — крикнула Катя.

Но ответа не было.

Двойник впервые за всё время чуть изменился в лице.

— Нехорошо.

Лев сразу понял.

— Она ищет опорную точку.

— Или исчезает без предупреждения, как и обещали, — мрачно сказал Алексей.

Катя бросила на него быстрый взгляд.

— Не сейчас.

Воздух резко сжался.

И в ту же секунду из тени справа Марта вынырнула уже совсем в другом месте — почти у самого края дрожащего силуэта.

— Нашла! — крикнула она. — Он держится не здесь!

Двойник впервые отреагировал по-настоящему. Не словами — движением. Его тело рванулось в сторону слишком быстро, слишком нечеловечески.

Лев ударил светом.

Катя метнулась к Алексею.

Алексей инстинктивно шагнул не назад — вперёд.

И всё сорвалось.

Свет Льва ударил не в фигуру, а в воздух рядом, раскры-

вая второй слой пространства. Там, за видимой оболочкой, на секунду проступила сеть белых разломов — и в самом центре одна тёмная точка, будто узел.

Марта крикнула:

— Туда!

Но двойник уже оказался ближе, чем должен был.

Слишком близко к Алексею.

Настоящий Алексей увидел своё лицо в нескольких сантиметрах — и это оказалось хуже любого чудовища. Потому что оно было почти его. Почти. Но без внутренней дрожи, без человечности, без сомнения.

— Ты всё ещё думаешь, что свобода делает тебя сильнее?

— тихо произнёс двойник.

— А ты всё ещё думаешь, что похож на меня? — выдохнул

Алексей.

И ударил.

Не силой.

Не оружием.

Просто рукой, резко, по-человечески, как ударил бы любого, кто подошёл слишком близко.

На миг время будто споткнулось.

Двойник отшатнулся.

Не из-за силы удара.

Из-за самого факта.

Как будто такого варианта в его расчёте не было.

— Сейчас! — крикнул Лев.

Свет ударил второй раз.

Марта рванулась к узлу.

Катя втащила Алексея назад.

И где-то далеко, на другой дороге, над их связью раздался голос Анны — рваный, искажённый помехами:

— Что у вас происходит?! У нас мост начал двигаться сам!

Лев на секунду замер.

Марта уже тянулась к тёмной точке в разрыве.

А двойник, снова выпрямляясь, впервые утратил идеальное спокойствие.

В его глазах появилось нечто новое.

Не злость.

Не боль.

Интерес.

— Вот теперь, — тихо сказал он, глядя только на Алексея, — начинается настоящее.

И в следующий миг земля под ногами треснула.

Глава 7. Объединение Алексея с командой

Земля треснула не вниз, а в стороны.

Будто сама реальность не знала, как правильно развали-

ваться, и потому рвала всё сразу: воздух, свет, камни под ногами, расстояние между людьми. Тропа под быстрой группой пошла белыми прожилками, как разбитое стекло. На миг показалось, что низина исчезла вовсе и под ними разверзлась не пропасть, а множество разных вариантов падения.

Катя первой вцепилась в Алексея обеими руками.

— Назад!

Но земля уже ушла из-под ног.

Лев ударил светом вниз, не в разлом, а по краю трещины, пытаясь собрать хоть подобие опоры. Марта успела схватиться за выступ камня и почти повисла в воздухе, одной рукой держась за край, другой тянулась к дрожащему тёмному узлу, проступившему под слоем света. Алексей на секунду потерял равновесие, и именно в этот момент двойник шагнул ближе.

Не по земле.

По трещине.

Словно она держала его лучше, чем твёрдая поверхность.

— Осторожно! — крикнул Лев.

Но двойник уже не смотрел на него. Только на Алексея.

— Ты начинаешь понимать, — сказал он почти спокойно, несмотря на рушившееся вокруг пространство. — Они соберутся вокруг тебя не потому, что верят. А потому, что у них не останется других вариантов.

Алексей тяжело дышал. Один ботинок почти соскальзывал в разлом, пальцы Кати больно впились ему в рукав, во-

круг гудел свет Льва, а Марта висела в шаге от падения. И всё же именно эти слова вдруг сделали что-то очень простое и очень ясное.

Разозлили.

Не возвышенно.

Не героически.

По-человечески.

Он резко рванул руку из хватки Кати.

— Алексей! — крикнула она.

Но он уже сделал шаг не к спасению, а вбок — туда, где этого не ожидал никто.

Ни Лев.

Ни Катя.

Ни двойник.

Алексей не ударил снова.

Не бросился на копию.

Не попытался сказать что-то красивое.

Он прыгнул к Марте.

Одной рукой вцепился в её запястье, второй — в острый край расколотого камня. Боль обожгла ладонь, ботинок со-

скользнул ещё ниже, и на секунду вся их нелепая связка — он, Марта, камень, Катя, удерживающая его сзади, и Лев, светом стягивающий трещину — превратилась в один дрожащий узел.

Двойник остановился.

Впервые.

Не потому, что был побеждён.

Потому что не понял.

— Ты... — произнёс он тихо.

Марта, тяжело цепляясь свободной рукой за край, посмотрела на Алексея снизу вверх.

— Из всех безумных решений... ты выбрал это?

Он стиснул зубы.

— Не привык бросать людей во время философских споров.

Катя, удерживая его за плечо, почти прошипела:

— Ты идиот.

— Принято, — выдохнул он. — Но тащи.

Лев мгновенно уловил момент. Свет под его ладонью вспыхнул сильнее, трещина на секунду замедлилась, как будто её растянули во времени. Марта рывком поднялась выше. Алексей, скользя коленом по острому камню, вытянул её ещё на ладонь. Катя втащила его назад. Все четверо буквально рухнули на узкий клочок ещё целой земли.

А двойник отступил.

Не на шаг.

Скорее — внутрь самого разлома.

Его силуэт дрогнул, как отражение в воде, и по воздуху пробежала рябь.

— Вот теперь это действительно интересно, — сказал он, глядя на Алексея с новым выражением. — Ты выбрал не защиту себя. Не силу. Не правильный ход. Ты выбрал непредписанное.

— Очень рад, что смог тебя разочаровать, — прохрипел Алексей.

Но в этот момент над связью рванул голос Анны:

— Лев! Ответь! Мост уже смещается! У нас люди внутри искажения!

Лев резко коснулся виска.

— Мы в контакте. Быстрая группа цела. Почти.

— “Почти” меня сейчас не устраивает! — отрезала Анна. — У нас опоры моста дублируются в пространстве, люди видят разные версии прохода! Нам нужна стабилизация немедленно!

— У нас здесь сущность, связанная с Алексеем!

На другом конце повисла короткая, тяжёлая пауза.

Потом Игорь сказал очень чётко:

— Не убивайте её. Не сейчас.

— Почему? — резко спросил Павел на фоне.

— Потому что я, кажется, понял, что произошло.

— Сейчас не время для твоих “кажется”, — бросила Катя.

— Нет, именно сейчас, — сухо ответил Игорь. — Лев, слушай внимательно. Реакция разлома изменилась в момент, когда Алексей выбрал не прогнозируемую траекторию.

Марта резко подняла голову.

— Да.

— Подтверждаю, — сказал Лев. — Контакт дестабилизировался после его хода.

— Какого именно? — спросила София на связи.

Алексей мрачно ответил сам:

— Я вытащил Марту вместо того, чтобы красиво спасти себя.

— Вот именно, — сказал Игорь. — Не “вместо”. Вне модели. Неоптимально с точки зрения выживания. Не силовым способом. Не по линии противостояния с двойником. Для разлома это сбой.

Анна резко выдохнула:

— Ты хочешь сказать...

— Да, — перебил её Игорь. — Алексей не просто ключ. Он помеха архитектуре предсказания.

Тишина повисла даже сквозь помехи связи.

Лев медленно перевёл взгляд на Алексея.

Тот всё ещё сидел на колене, с поцарапанной ладонью, рваным дыханием и выражением лица человека, которому очень не нравится, что из его глупого импульса снова делают выводы вселенского масштаба.

— Не надо на меня так смотреть, — сказал он. — Я просто не дал ей упасть.

Марта поднялась на ноги, стряхивая пыль с рукавов.

— Нет. Ты сделал хуже.

Катя резко повернулась к ней.

— Что?!

Марта посмотрела прямо на Алексея.

— Ты сделал не то, что должен был сделать по логике угрозы. А значит, теперь разлом тоже это понял.

Алексей криво усмехнулся.

— Отлично. Раньше я был проблемой. Теперь я ещё и плохой пример.

Лев выпрямился.

— Нет. Теперь ты фактор, которого оно не может просчитать до конца.

Двойник всё ещё стоял у края искажения. Его фигура стала тоньше, менее устойчивой, словно само пространство вокруг него начинало спорить с его присутствием.

— Как трогательно, — произнёс он. — Они наконец начали видеть в тебе не груз, а нарушение.

Катя сделала шаг вперёд.

— Закройся.

— Почему? Я же помогаю. Разве не этого вы хотели — понять, чем он важен?

— Не от тебя, — сказал Лев.

Двойник чуть наклонил голову.

— Вам всё ещё кажется, что вы выбираете, от кого принимать истину.

В следующий миг воздух вокруг него вздрогнул, и он просто исчез.

Без вспышки.

Без удара.

Словно отступил в слой реальности, который они пока не умели удерживать взглядом.

Трещина под ногами начала медленно стягиваться, но не до конца. Только настолько, чтобы быстрая группа могла двигаться дальше.

Лев сразу коснулся связи:

— Идём к мосту. Что у вас?

Голос Анны пришёл с помехами, но уже более собранный:

— Павел и Денис держат внешний коридор. Тихон нашёл безопасную ось перехода. София и Марина успокаивают людей, но у некоторых уже расслоение восприятия. Лица видят новые варианты слишком быстро. Мы держимся.

Потом вклинился Павел:

— Живее. У нас времени нет.

Катя тихо выдохнула:

— А у него, как всегда, времени нет даже на интонации.

Но в её голосе уже не было прежней злости. Только усталое напряжение.

Лев посмотрел на Алексея.

— Можешь идти?

Алексей поднялся, морщась от боли в ладони.

— А у меня есть достойный вариант ответа?

— Нет.

— Тогда да. Идём.

Когда они вышли к мосту, мир уже перестал вести себя как место, где действуют обычные расстояния.

Река под мостом светилась изнутри — не вся, а полосами, будто под водой текли не потоки, а линии будущего. Опоры моста то казались целыми, то на секунду показывали сквозь себя пустоту. Люди — обычные прохожие, несколько водителей, молодая пара с ребёнком, пожилой мужчина, курьер с велосипедом — были рассеяны по разным участкам, и каждый, судя по лицам, видел что-то своё.

София стояла в центре одного из безопасных участков, удерживая ладонями мягкое золотое свечение. Перед ней плакала девушка, повторяя, что мост “уже упал”, хотя под ногами всё ещё был асфальт.

Марина держала мальчика лет восьми за плечи и тихо, настойчиво говорила:

— Смотри на меня. Не на воду. На меня. Скажи, какого цвета у меня глаза. Ещё раз. Хорошо. Дыши.

Павел и Денис стояли у внешнего входа на мост, не пус-

кая внутрь новых людей. Павел буквально разворачивал тех, кто пытался прорваться, а Денис говорил коротко и жёстко, но без грубости. Тихон мелом и каким-то странным прибором помечал на асфальте едва заметные линии, по которым можно было идти, не проваливаясь в искажённые варианты прохода.

Анна и Игорь работали у опоры, приборы в их руках вспыхивали разными шкалами. Рядом Матвей стоял с закрытыми глазами, будто слушал не воздух, а саму последовательность событий.

Лица были чуть дальше, на бетонном выступе, и быстро набрасывала что-то на листах, едва успевая за тем, что видела.

И все они одновременно почувствовали приближение быстрой группы.

Первыми обернулись Денис и Павел.

Павел сразу нашёл взглядом Алексея, потом Льва, Катю, Марту. Проверил глазами, целы ли. И только после этого коротко спросил:

— Что случилось?

Вопрос был задан Льву.

Ответил Игорь:

— Нет. Сначала я.

Он уже шёл к ним навстречу, планшет в руке дрожал от перегрузки данных.

— Мы все слышали часть разговора. Но мне нужно подтверждение. Что именно сделал Алексей в момент контакта?

Катя раздражённо сказала:

— Сейчас правда не лучшее время для разбора—

— Сейчас единственное время, — жёстко ответил Игорь.

— Потому что от этого зависит, как мы будем действовать дальше.

Алексей устало посмотрел на всех.

— Я вытащил Марту. Всё.

— Не всё, — сказал Матвей, подходя ближе. — Ты выбрал человека вместо структуры угрозы.

— Спасибо, ты умеешь превращать нормальный поступок в диагноз.

— Это не диагноз, — тихо сказала София, подошедшая вместе с Мариной. — Это ключ.

Павел нахмурился.

— Объясните нормально.

Игорь развернул планшет так, чтобы видели все. На экране были линии, графики, пульсирующие узлы, часть из которых явно соответствовала тому, что происходило на мосту.

— Смотрите сюда. До момента контакта разлом вёл себя как предсказывающая система. Он моделировал наши конфликты, давил на слабые точки, порождал дубликаты, ловушки, раздвоенные маршруты. Но в момент, когда Алексей сделал невыгодный, внешаблонный, человеческий выбор, структура дала сбой.

— То есть он сломал прогноз? — спросил Денис.

— Да.

— Потому что полез спасать? — спросила Марина.

— Потому что спас не по логике системы, — уточнил Матвей. — Не там, где ожидали. Не так, как ожидали. И не ради силы, победы или самосохранения.

София медленно кивнула.

— Ради человека.

— Именно, — сказал Игорь. — Для линий судьбы большинство выборов всё равно укладываются в ветви. Даже героические. Даже жертвенные. Но у него нет готовой ветви. И когда он действует не как символ, а как живой человек, система не успевает выстроить ответ.

Лица вдруг подняла голову от листов.

— Я это тоже видела.

Все повернулись к ней.

Она спрыгнула с выступа и подошла ближе, держа несколько быстрых рисунков. На одном был двойник, у которого трескалась грудь, словно фарфор. На другом — Алексей, хватаящий Марту за руку. На третьем — линии, расходящиеся и вдруг обрывающиеся в пустоте.

— Вот здесь, — сказала она, указывая дрожащим пальцем. — До этого разлом видел его как центр. Как цель. Как открытую точку. А после этого... как пробел, который отвечает обратно.

Павел всмотрелся в рисунок, потом поднял взгляд на

Алексея.

— Значит, ты можешь бить по разлому не силой.

Алексей фыркнул.

— Звучит так, будто я теперь должен ходить и принимать морально неудобные решения по графику.

— Нет, — спокойно сказал Денис. — Звучит так, будто мы наконец поняли, почему ты нужен не как объект охраны, а как участник действия.

Эти слова прозвучали иначе, чем раньше.

Без снисхождения.

Без оговорки.

Без скрытого “но”.

Катя первая это услышала и посмотрела на Дениса внимательнее.

Павел молчал дольше остальных. Потом медленно подошёл к Алексею почти вплотную.

— Я был неправ, — сказал он.

Тишина на мосту вокруг них вдруг стала особенно ясной. Даже Алексей моргнул.

— Что, прости?

Павел не отвёл взгляда.

— Я думал, тебя нужно в первую очередь удержать. Спрятать от ошибки. Защитить так, чтобы ты не стал слабым местом. А выходит, слабым местом мы делаем тебя сами, если

не даём действовать.

Катя чуть расслабила плечи.

София еле заметно улыбнулась.

Даже Марта посмотрела на Павла с редким одобрением.

Алексей некоторое время молчал, потом сказал:

— Это сейчас было что-то вроде извинения?

— Не привыкай, — буркнул Павел.

Алексей криво усмехнулся.

— Уже лучше. Узнаю человека.

Но напряжение изменилось.

Не исчезло.

Не стало лёгким.

Просто перестало быть направленным против него.

Анна быстро вмешалась, пока этот момент не рассыпался:

— Хорошо. Вывод ясен. Алексей способен нарушать логику разлома. Значит, следующий этап меняется.

— Как? — спросил Лев.

Она ткнула пальцем в схему моста.

— Мы больше не держим его в стороне до “подходящего момента”. Это и был старый подход. Теперь он входит в активный контур.

— Активный — это куда именно? — спросил Алексей с явной подозрительностью.

Игорь уже разворачивал новую модель.

— В центр нестабильности. Но не один.

— Невероятно, я даже не удивлён.

Марина тихо сказала:

— Это опасно.

— Всё опасно, — ответила Анна. — Но теперь хотя бы опасно осмысленно.

София подошла ближе к Алексею.

— Послушай меня.

Он посмотрел на неё.

— М-м?

— Раньше мы все смотрели на тебя как на неизвестную величину. Кто-то — как на риск. Кто-то — как на последний шанс. Кто-то — как на проблему, которой лучше не касаться без необходимости. Это было неправильно.

Алексей чуть усмехнулся.

— Люблю коллективные признания в ошибках. Очень бодрит.

Но София не улыбнулась. Говорила серьёзно:

— Ты не пустота в центре. Ты возможность, которую нельзя навязать и нельзя просчитать. А значит, ты не “между нами”. Ты с нами.

И вот тут слова ударили по-настоящему.

Не потому, что были громкими.

Потому что до этого момента никто ещё не произносил это так прямо.

Алексей отвёл взгляд, будто внезапно стало слишком трудно смотреть сразу на всех.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Только не делайте из этого церемонию, ладно?

Денис хмыкнул.

— Поздно. Уже почти церемония.

— Я серьёзно.

— Мы тоже, — сказал Лев.

Он подошёл к Алексею и протянул руку.

Не приказ.

Не символический жест ради красивой сцены.

Просто рука человека, который приглашает другого в общий круг не словами, а фактом.

Алексей посмотрел на неё секунду, потом пожал.

Катя встала рядом с ними.

София — с другой стороны.

Потом Денис.

Потом Павел.

Потом Анна, всё ещё с прибором в другой руке.

Игорь недовольно вздохнул, будто подобные вещи мешали ясности мысли, но тоже подошёл.

Марина положила ладонь поверх чужих пальцев.

Тихон пробормотал что-то вроде “это вообще не мой жанр”, но присоединился.

Лица — дрожа, но твёрдо.

Матвей — молча.

И последней Марта, которая, казалось, дольше всех решала, нужно ли ей это вообще.

Алексей заметил это и посмотрел на неё.

— Что, тени тоже умеют в единство?

Она едва заметно усмехнулась.

— Только когда оно действительно нужно.

И положила руку в круг.

В этот момент воздух над мостом дрогнул.

Не угрожающе.

По-другому.

Будто сам разлом на секунду замер, прислушиваясь.

Игорь тут же поднял глаза к экрану.

— Есть реакция.

— Плохая? — спросила Катя.

— Не знаю, — честно ответил он. — Но не та, что была раньше.

Матвей резко посмотрел в сторону середины моста.

— Смотрите.

Белые трещины в воздухе, до этого расходившиеся хаотично, на секунду выстроились в единую фигуру — словно кто-то невидимый пытался заново собрать узор. Потом он снова дрогнул, но теперь уже не так уверенно.

— Оно нас почувствовало, — тихо сказала Лика.

— Нет, — поправил Лев. — Оно почувствовало, что теперь он не отдельно.

На этих словах с другого конца моста вдруг раздался крик.

Все резко обернулись.

Пожилой мужчина, которого София и Марина вывели в безопасную часть, вдруг снова рванул к середине прохода, широко раскрытыми глазами глядя куда-то вверх.

— Там моя жена! — кричал он. — Она там стоит! Я её вижу!

— Нет! — София бросилась следом.

Но поздно.

Он уже вбежал в искажённую зону, и воздух вокруг него сразу раскололся на три дрожащих контура. В одном он стоял. В другом — падал. В третьем — вообще исчезал.

— Чёрт! — Анна схватила прибор. — Началось новое ветвление!

Павел рванулся вперёд, но Матвей резко остановил его за рукав:

— Нет! Там уже ложные траектории!

— Тогда кто?!

И все одновременно посмотрели на Алексея.

Он застыл на долю секунды.

Потом сказал только одно:

— Я иду.

Катя уже шагнула следом:

— Я с тобой.

— Я тоже, — сказал Лев.

Но Анна вдруг покачала головой.

— Нет.

Все обернулись к ней.

— Что значит “нет”? — резко спросила Катя.

Анна смотрела только на Алексея.

— Сейчас должен войти он. И только тот, кого он сам выберет рядом. Иначе мы опять задавим решение своей схемой.

Тишина вспыхнула, как натянутая струна.

Алексей перевёл взгляд на мужчину в центре искажения.

Потом на Льва.

На Катю.

На Софию.

На Павла.

На всех.

И понял, что это и есть первый настоящий момент нового союза:

не когда ему сказали, что он нужен,

а когда все остановились и действительно дали выбрать.

У него в груди что-то сжалось.

Не страх.

Страх был и так.

Скорее — вес доверия.

Он посмотрел на Катю.

— Со мной.

Она коротко кивнула.

— Хорошо.

Павел не двинулся.

Лев не возразил.

Анна только сказала:

— У вас тридцать секунд до нового схлопывания версии.

И Алексей впервые шагнул в разлом не как человек, которого ведут к его роли, а как тот, кто сам в неё входит.

За спиной он чувствовал команду.

Не идеально согласную.

Не избавленную от конфликтов.

Но уже настоящую.

А впереди, в дрожащем свете и ломающемся воздухе, мужчина всё ещё тянул руки к пустоте, где видел свою жену.

А ещё дальше, на самой середине моста, в одном из белых надломов пространства, на секунду снова проступил знакомый силуэт.

Двойник.

И теперь он уже не улыбался.

Он смотрел так, будто тоже понял:

Алексей перестал быть один.

И именно поэтому стал опаснее.

Трещины над мостом вспыхнули ярче.

Катя и Алексей вошли в искажённую зону.

А за их спинами весь круг героев замер в новом, ещё непривычном единстве — понимая, что следующая минута покажет не только силу Алексея, но и то, сможет ли их союз выдержать момент, когда свободный выбор впервые столкнётся с разломом лицом к лицу.

Глава 8. Исследование угрозы

Мост не рухнул.

По крайней мере — не сразу.

Именно это было самым страшным.

Он продолжал стоять, дрожа в нескольких версиях самого себя. В одной — целый, серый, холодный под утренним светом. В другой — уже cracked, с выгнутыми перилами и осыпающимся краем. В третьей — полупрозрачный, будто существующий лишь по инерции чужой памяти.

Алексей и Катя вернулись из искажённой зоны не победителями.

Просто живыми.

Пожилого мужчину удалось вывести. Он всё ещё повторял имя жены, хотя потом, уже сидя на парапете и дрожа, признался, что жена умерла три года назад. София и Марина забрали его в безопасную часть моста, где ещё держался ровный воздух. Павел и Денис окончательно перекрыли внешний подход. Анна, Игорь и Матвей продолжали снимать показатели, пока Лика быстрыми, почти болезненными движениями фиксировала всё на бумаге.

Никто не говорил громко.

Слишком явно чувствовалось: то, что они только что увидели, было не просто локальной аномалией.

Это был образец.

Первый читаемый фрагмент чего-то гораздо большего.

Алексей стоял у бетонного столба, опираясь плечом на холодную поверхность, и смотрел на свои ладони. На одной — свежая царапина от камня, на другой — белая пыль от моста. Пальцы чуть дрожали.

Катя подошла молча и протянула ему бутылку воды.

— Ты в порядке?

Он криво усмехнулся.

— Очень люблю этот вопрос после встречи с моим потусторонним двойником и прогулки по разлому.

— Это не ответ.

— Тогда нет. Не особенно.

Катя кивнула, будто и не ждала другого.

— Но стойшь.

— Да.

— Значит, пока нормально.

Он посмотрел на неё и неожиданно тихо сказал:

— Спасибо, что пошла со мной.

Катя на секунду отвела взгляд.

— Я сказала, что пойду.

— Да, но сказать и сделать — не всегда одно и то же.

— Для нас теперь очень опасно, если это перестанет быть

одним и тем же, — ответила она.

Неподалёку Игорь резко выпрямился над планшетом.

— Все сюда, — сказал он. — Немедленно.

В его голосе было что-то новое. Не паника. Хуже.

Понимание.

Команда начала стягиваться к нему.

Анна подошла первой, вытирая руки о тёмную ткань брюк. Матвей — следом, с компасом времени, стрелка которого теперь не дёргалась хаотично, а билась короткими, рваными импульсами. Лика держала под мышкой листы с рисунками. София и Марина передали мужчине случайным спасателям и вернулись. Павел и Денис заняли позиции так, чтобы видеть и дорогу, и воду. Тихон уже раскрывал на капоте машины карту. Лев подошёл последним, но именно на него Игорь посмотрел первым.

— Говори, — сказал Лев.

Игорь повернул планшет ко всем. На экране была карта мира — но не обычная. Континенты были едва различимы под сетью тонких световых линий. В нескольких точках они уже пульсировали белым. Одна из них — мост. Другие были разбросаны по миру: океанское побережье, горная система, крупный транспортный узел, северный город, какая-то равнина, отмеченная тройным кольцом помех.

— Это не одиночный разлом, — сказал Игорь. — Это сеть предварительных очагов.

— Насколько предварительных? — спросила Анна.

— Настолько, что если мы будем утешать себя этим словом, всё закончится быстрее.

Тихон наклонился к экрану.

— Сколько точек?

— Сейчас читаются одиннадцать.

— Сейчас? — переспросил Денис. — То есть их станет больше?

— Уже становится, — мрачно ответил Игорь.

Лица побледнела раньше всех.

— Я видела кольца, — прошептала она. — Не один круг, а много. Словно мир трескается не в одном месте, а вспоминает, что может трескаться везде сразу.

Матвей медленно кивнул.

— Похоже на каскадную реакцию. Один очаг не вызывает другой напрямую. Они отзываются друг на друга через общее состояние структуры.

Алексей посмотрел на карту.

— Переведите кто-нибудь на язык живых людей.

София мягко сказала:

— Мир начинает ломаться не как дом от одного удара. А как лёд, в котором уже давно были внутренние трещины. Достаточно одной — и отвечают все.

— Уже лучше, — сказал Алексей. — Значит, мост — это только начало.

— Нет, — тихо ответил Лев. — Мост — это только момент, когда мы впервые смогли это увидеть.

От этих слов у многих изменились лица.

Потому что одно дело — сталкиваться с началом катастрофы.

И совсем другое — понять, что ты вошёл в неё поздно.

Они перебрались в старый сервисный павильон рядом с мостом. Помещение было тесным, пахло металлом, сыростью и пылью, но крыша пока держалась, а стены хоть как-то отрезали внешний шум. На старом столе разложили карты, рисунки, приборы, записи. За мутным окном всё ещё был виден мост — дрожащий, словно его контуры не могли договориться сами с собой.

Анна взяла на себя порядок.

— Никто не говорит одновременно. Сначала факты. Потом версии. Потом решения.

— Как скучно и правильно, — пробормотал Тихон.

— Переживёшь.

— Уже переживаю.

Анна не удостоила его взглядом.

— Игорь. Что мы знаем точно?

Он провёл пальцем по экрану.

— Точно: все очаги совпадают с зонами повышенного человеческого выбора.

— Что это значит? — спросила Марина.

— Места, где много решений принимается быстро и с

большими последствиями. Мосты. Вокзалы. Узлы связи. Пограничные районы. Места исторических катастроф. Районы, где коллективное поведение влияет на тысячи людей сразу.

Павел нахмурился.

— То есть это не природное явление.

— Нет, — сказал Игорь. — Или, если точнее, не только природное.

Матвей добавил:

— Это не землетрясение мира. Это его кризис смысла.

Алексей поднял бровь.

— Вот сейчас снова было красиво и жутко.

Лица достала один из листов и развернула его на столе.

На рисунке небо над землёй было испещрено белыми трещинами, а под ними — люди, группы людей, города, дороги, поезда, мосты. Некоторые фигуры были соединены линиями, а некоторые — стояли внутри пустых кругов, как будто привычная причинность переставала на них работать.

— Это я нарисовала ещё до моста, — сказала она. — Но теперь вижу яснее. Угроза не в том, что что-то просто разрушит мир. Угроза в том, что люди и события перестанут сходиться в одну реальность.

— Распад согласованности, — сказал Игорь.

— Именно, — кивнула Лица. — Один будет помнить одно. Другой — другое. Один мост будет стоять. Второй — уже рухнет. Один человек выберет спасти. Другой — уйти. И всё это начнёт существовать одновременно, пока что-то не про-

давит остальные варианты.

— И продавит не обязательно лучшее, — тихо сказал Денис.

— А самое сильное? — спросила Катя.

— Самое поддержанное, — ответил Матвей.

— Кем? — спросил Алексей.

Матвей посмотрел на него очень серьёзно.

— Теми, кто отказывается выбирать осознанно.

Тишина в комнате стала плотной.

София нарушила её первой:

— Значит, катастрофа питается не просто страхом.

— Нет, — сказал Лев. — Она питается бегством от ответственности.

Павел опёрся ладонями о стол.

— Это всё ещё слишком абстрактно. Что именно произойдёт в финале? Массовые разломы? Остановка времени? Война версий?

— Всё сразу, — негромко сказал Игорь. — В наиболее плохом сценарии.

— Насколько плохом? — спросила Анна.

Игорь помолчал. Потом всё же ответил:

— Глобальный распад причинности. Когда решения перестают удерживать последствия, а последствия — подтверждать реальность. После этого ни общество, ни память, ни история больше не могут быть цельными.

Марина тихо села на стул, будто ноги вдруг перестали дер-

жать.

— Люди не смогут жить в таком мире.

— Смогут, — глухо сказал Денис. — Но это уже будет не жизнь, а выживание среди постоянного распада.

София резко посмотрела на него.

— Не надо.

Он встретил её взгляд.

— А лгать надо?

— Не лгать. Не говорить так, будто всё уже решено.

Лев медленно кивнул.

— Она права.

Денис отвернулся, но спорить не стал.

Анна постучала ручкой по столу.

— Хорошо. Теперь версии. Почему это началось?

— Или почему стало видимым сейчас, — уточнил Тихон.

— Да. Лев?

Лев некоторое время молчал, будто взвешивал не слова, а цену, которую они могут иметь.

— Я думаю, — сказал он наконец, — что это зреет давно.

Но теперь мир подошёл к точке, где слишком много сильных узлов совпало. Слишком много людей привыкли перекладывать выбор на систему, правила, страх, обстоятельства, прошлое, друг на друга.

— Звучит как моральная притча, — сказал Игорь.

— Потому что ты слишком долго пытаешься рассматривать живую реальность как механизм.

— А ты слишком легко называешь механизм нравственным существом.

— Потому что он создан людьми не меньше, чем законами.

Анна подняла руку.

— Не расползаемся. Дальше.

Матвей сказал:

— Есть и другой слой. Это может быть связано с тем, что уже нельзя переписать.

Эти слова сразу изменили воздух в комнате.

Марта подняла голову.

— Объясни.

Матвей провёл пальцем по пустому месту на карте — не по очагу, а между ними.

— Мы слишком долго жили так, будто любое тяжёлое последствие можно обойти, пересчитать, обмануть, компенсировать, исправить потом. Но есть события, которые мир держит как основу. Не потому что они хороши. А потому что на них построено слишком многое. Если слишком много раз пытаться вытеснить цену выбора, структура начинает мстить.

— Ты говоришь о прошлых вмешательствах? — тихо спросила Лика.

— О всех, — ответил он. — Моих. Ваших. Чужих. О кол-

лективной привычке жить так, будто ответственность — это то, что можно отложить.

Тихон фыркнул, но без обычной лёгкости.

— Прекрасно. То есть мы имеем катастрофу не от одного злодея, а от исторического накопления человеческой трусости, самонадеянности и попыток переиграть последствия.

— Очень грубо, — сказал Матвей.

— Зато понятно.

Алексей, стоявший у стены, тихо произнёс:

— И в такой картине я, конечно, опять выгляжу как аномалия.

Все посмотрели на него.

Он развёл руками.

— Ну правда. Если всё рухнет из-за слишком привычных линий, систем, повторяемых выборов и попыток переложить цену... тогда человек без линии судьбы выглядит как дыра в закономерности.

— Не дыра, — сказала София.

— А что?

Она задумалась на секунду.

— Свободный вход.

Катя посмотрела на неё.

— Это красиво.

— И опасно, — добавил Игорь.

Алексей скривился.

— Вот. Теперь узнаю наш коллектив.

Ли́ка снова раскрыла папку.

— У меня есть ещё кое-что.

— Показывай, — сказал Лев.

Она вытащи́ла рисунок, который до этого прятала глубже остальных.

На нём были не люди и не мост.

На нём была огромная фигура, словно собранная из трещин, пустот и чужих лиц. Она не стояла на земле — скорее нависала над ней. Лиц у неё было много, но все как будто недорисованные. И в центре, там, где должна была быть грудь, зиял открытый узел.

— Это я увидела только сейчас, когда рисовала данные с моста, — сказала Ли́ка. — Мне кажется... очаги не просто связаны. Они собираются во что-то.

— Во что? — спросил Павел.

— Не знаю. В форму. В общий образ. В... собеседника катастрофы.

— Ты считаешь, у неё есть центр? — спросила Анна.

— Или воля, — тихо сказала Марта.

Игорь быстро подошёл ближе к рисунку.

— Подожди. Покажи узел.

Ли́ка указала на центр.

Игорь замер.

— Что? — спросила Анна.

Он повернул планшет, потом рисунок, потом снова планшет.

— Геометрия совпадает.

— С чем?

— С пустотой вокруг Алексея.

Тишина ударила по комнате так резко, будто кто-то захлопнул дверь ветром.

Катя сразу напряглась.

— Яснее.

Игорь говорил быстрее, чем обычно, почти забыв про свою сухость:

— В центре очаговой сети — такой же тип неопределённого узла, как тот, что мы видели в сфере под куполом. Не идентичный, но родственный по структуре. Это значит, что глобальная катастрофа каким-то образом строится вокруг той же логики, что и Алексей.

— Или против неё, — сказал Лев.

— Да, — медленно кивнул Игорь. — Или как попытка мира создать собственную версию свободного элемента, но без человеческого ограничения.

Алексей криво улыбнулся.

— Ага. То есть где-то там растёт мой альтернативный родственник космического масштаба.

— Не шути, — тихо сказала Марина.

— Я не шучу. Я просто стараюсь не звучать так же испуганно, как думаю.

Эти слова прозвучали очень честно.

София посмотрела на него мягче, чем раньше.

Павел медленно сказал:

— Тогда получается, у нас два уровня угрозы. Очаги — и то, что может из них сложиться.

— Или уже складывается, — поправила Лика.

Анна выпрямилась.

— Значит, нам нужно больше данных. Не предположений. Не страхов. Информации. Где очаги. Что их объединяет. Что запускает усиление. Что ослабляет. Как влияет Алексей. Как действует двойник. Что именно нельзя переписывать.

— Последнее мне особенно нравится, — мрачно сказал Тихон. — Потому что мы наверняка узнаем это самым неприятным способом.

— Есть идеи приятнее? — спросила Анна.

— Есть. Но они все нереалистичны.

Марта подошла к окну и посмотрела на мост.

— Один ответ у нас уже есть.

— Какой? — спросил Денис.

— Очаги реагируют не просто на присутствие. На тип решения. На то, выбирает ли человек по страху, по роли, по привычке — или по живой ответственности.

Лев кивнул.

— Да.

— И значит, — продолжила Марта, оборачиваясь, — исследовать угрозу нужно не только приборами. Нужно проверять её на действиях.

Анна нахмурилась.

— Экспериментировать на разломах?

— Осторожно, — сказала Марта. — Но да.

— Мне не нравится, когда она права, — пробормотал Тихон.

— Тебе вообще редко что нравится, — заметила Катя.

— Это мой способ быть полезным.

Игорь вдруг поднял голову, как будто что-то вспомнил.

— Подождите.

— Что? — спросила Анна.

— Мы смотрим не туда. Мы думаем о местах. Но видение начиналось не с мест. Оно начиналось с нас.

— Ты считаешь, очаги привязаны к героям? — спросил Лев.

— Не в прямом смысле. Но, возможно, каждый из нас уже связан с одним из типов разлома. Через свои прошлые решения. Через уязвимости. Через то, что катастрофа пытается использовать.

София медленно сказала:

— Тогда мост откликнулся на Алексея потому, что здесь впервые проявился узел свободного выбора.

— А где-то ещё может проявляться другой тип, — подхватил Матвей. — Разлом памяти. Разлом времени. Разлом

доверия. Разлом власти. Разлом боли.

Лица тихо прошептала:

— И каждый из нас будет нужен не в общем смысле. А в точке, которая резонирует именно с ним.

— Вот это уже очень плохо, — сказал Алексей.

— Почему? — спросила Марина.

— Потому что тогда нам не просто нужно спасать мир. Нам нужно идти в те места, где он будет бить точно туда, где у каждого из вас уже болит.

Никто не ответил.

Потому что это было похоже на правду.

Разговор оборвал внешний звук.

Не гром.

Не обрушение.

Скорее — странный двойной скрежет, как будто один и тот же поезд одновременно тормозил в двух разных местах.

Тихон первым подскочил к окну.

— Что за...

Все обернулись.

Над рекой, чуть дальше моста, в воздухе возникла тонкая вертикальная линия света. Она росла вверх, разрезая пространство аккуратно, почти красиво. А потом рядом с ней появилась вторая. И третья.

— Новый очаг? — резко спросила Анна.

Игорь посмотрел на планшет и побледнел.

— Нет.

— Что значит “нет”?

— Это не очаг.

Он поднял глаза от экрана.

— Это ответ.

Лев уже стоял рядом с окном.

— На что?

Игорь медленно перевёл взгляд на Алексея.

— На то, что мы начали понимать структуру.

Лица тихо издали звук, похожий на сдержанный вдох.

— Оно не хочет, чтобы мы собирали картину, — прошептала она.

Павел уже потянулся к двери.

— Тогда собираем быстрее.

— Подожди, — сказала София.

Но было поздно.

Вертикальные линии света над рекой вдруг начали расходиться, как створки невидимой двери.

И внутри проступило изображение.

Не место.

Не карта.

Не абстракция.

Лица.

Их собственные лица.

Все герои — один за другим, как если бы кто-то невидимый перебирал их варианты, примеряя, кем именно лучше ударить по ним дальше.

Марина побледнела.

Катя стиснула зубы.

Анна выругалась едва слышно.

Даже Денис на секунду отвернулся.

А потом среди этих лиц снова появилось лицо Алексея.

Но теперь не двойника с дороги.

Другое.

Старше.

Тише.

Почти усталое.

И это оказалось страшнее всего.

Алексей сам шагнул к окну.

— Нет... этого я ещё не видел.

Лев медленно произнёс:

— Значит, катастрофа не просто изучает нас.

Матвей закончил за него:

— Она подбирает, кем стать, чтобы мы сами открыли ей двери.

Анна резко обернулась к столу.

— Всё, хватит. Нам нужна система. Сейчас.

— Какая? — спросил Тихон.

Она быстро заговорила, как человек, который удерживает порядок только скоростью:

— Разделяем исследование на четыре линии. Игорь и я собираем карту очагов и ищем математическую логику каскада. Лика и Матвей — образную и временную структуру: что собирается и как. Лев, София, Марина и Денис — человеческий фактор: типы решений, на которые реагируют разломы, и что удерживает людей от распада. Павел, Катя, Марта и Алексей — поведенческий контур: как угроза контактирует, давит, провоцирует и где именно Алексей ломает её сценарий.

— То есть вы хотите изучать катастрофу на мне, — сказал Алексей.

— Нет, — твёрдо ответила Анна. — С тобой. Есть разница.

Катя сразу кивнула.

— Есть.

Павел посмотрел на Алексея уже иначе, чем раньше.

— И теперь никто не будет делать вид, что тебя надо просто спрятать.

Алексей невесело усмехнулся.

— Вот только начал скучать по старым добрым временам, когда меня просто считали проблемой.

Марта, всё ещё глядя в окно на расщеплённые лица над рекой, тихо сказала:

— Не радуйся раньше времени. Быть ключом почти всегда страшнее, чем быть помехой.

Он посмотрел на неё.

— Ты умеешь поддержать.

— Я умею говорить правду.

— Это у вас тут заразное.

Лев подошёл к столу и упёрся ладонями в карту мира.

— Тогда скажем вслух главное. Мы больше не просто тушим очаги. Мы изучаем форму катастрофы.

— И свою роль в ней, — добавил Денис.

— И цену, которую она будет пытаться с нас взять, — тихо сказала София.

— И то, какие события нельзя переписать, — мрачно добавил Матвей.

— И почему именно, — сказал Игорь.

— И как не дать ей стать кем-то из нас, — закончила Лика.

Повисло молчание.

За окном световые створки над рекой всё ещё держались раскрытыми, и лица в них медленно менялись, как будто угроза и правда изучала их, примеряла, запоминала.

Алексей смотрел на своё старшее, чужое, почти спокойное лицо и чувствовал, как внутри растёт очень нехорошее понимание:

это было только исследование с их стороны.

Но и с другой стороны — тоже.

Они изучали катастрофу.

Катастрофа изучала их.

И тот, кто поймёт другого быстрее, получит право на следующий ход.

Лев будто услышал ту же мысль.

Он поднял голову и сказал очень тихо:

— Сегодня мы сделали первый шаг не к победе. К пониманию.

Тихон буркнул:

— А понимание, как назло, почти всегда ведёт к ещё более неприятным вопросам.

— Верно, — сказала Анна. — Поэтому начнём с самого неприятного.

Она посмотрела прямо на Алексея.

— Что ты почувствовал в момент, когда вошёл в разлом и выбрал действовать не по их логике?

Все повернулись к нему.

Он помолчал.

Очень недолго.

Но достаточно, чтобы стало ясно: ответ будет важным.

А за окном его старшее отражение в световом разрезе вдруг медленно улыбнулось — так, будто тоже хотело услышать этот ответ первым.

Глава 9. Проверка способностей

Вопрос Анны остался висеть в воздухе дольше, чем хотелось всем.

За окном световой разрез над рекой всё ещё не закрывался. Лица в нём дрожали, сменяли друг друга, будто катастрофа примеряла возможные формы приближения. Старшее отражение Алексея больше не улыбалось — теперь оно просто смотрело, и от этого становилось ещё хуже.

Алексей стоял у стола, опираясь ладонью о край, и молчал.

— Ну? — тихо сказал Тихон. — Не тороплю, конечно, но вежливость у конца света всегда была слабой стороной.

Катя бросила на него взгляд.

— Тихон.

— Что? Я пытаюсь разрядить обстановку.

— У тебя это всегда звучит так, будто ты её добиваешь.

Алексей наконец выдохнул и заговорил:

— Я почувствовал... не героизм, если вы на это наделись.

Никто не улыбнулся.

Он пожал плечами.

— Правда. Не силу. Не озарение. Не “я понял своё предназначение”. Я почувствовал, что если буду думать слишком долго, Марта сорвётся. Вот и всё.

Марта, стоявшая у окна, медленно обернулась.

— То есть ты не “преодолеl страх”?

— Нет. Я просто не успел построить красивую внутреннюю речь.

Лев посмотрел на него внимательно.

— И ты не подумал, правильно ли это стратегически.

— Нет.

— И не пытался угадать, чего ждёт разлом?

— Нет.

Игорь чуть подался вперёд.

— Тогда это ещё хуже.

— Спасибо, Игорь, — устало сказал Алексей. — Я уже скучал по твоему таланту делать всё теплее.

Но Игорь не отвёл взгляд.

— Я серьёзно. Если твоё воздействие на разлом работает в момент, когда решение принимается не по схеме, не по роли и не по расчёту, тогда проверить это обычным способом почти невозможно.

Анна сразу уловила мысль.

— Потому что любая попытка повторить “правильное” поведение превратит его в технику.

— Именно, — кивнул Игорь. — А техника — это уже

предсказуемость. А предсказуемость — то, на чём разлом строит ответ.

София тихо сказала:

— Значит, сила Алексея не в способности как таковой.

— А в типе действия, — закончил Матвей.

Денис мрачно усмехнулся.

— Великолепно. Наш ключевой участник работает лучше всего, когда действует не по инструкции.

— Это многое объясняет, — пробормотал Алексей.

— Что именно? — спросила Марина.

— Почему мне с самого начала так не нравятся ваши планы.

Несколько человек всё же коротко усмехнулись. Даже Анна позволила уголку губ дрогнуть, но тут же вернулась к делу.

— Тогда делаем следующий вывод, — сказала она. — Мы не сможем изучать угрозу, если не проверим, как каждый из нас работает под её давлением. Не в теории. В реальных условиях.

Павел кивнул первым.

— Наконец-то что-то нормальное.

— Не радуйся заранее, — отрезала Анна. — Проверка — это не показательные выступления. Это контроль ограниченный.

— Тем более нормально.

Лица нервно сжала папку.

— Ты хочешь вывести всех на мост?

— Нет, — ответил Игорь. — Слишком опасно. Но у нас уже есть локальная нестабильность вокруг павильона и на прилегающей зоне. После первого очага пространство здесь ещё не вернулось в исходное состояние. Можно использовать это как тестовый слой.

Марта прищурилась.

— Ты хочешь исследовать живой разлом, стоя у него в горле.

— У тебя есть идея лучше?

— Есть. Но она будет звучать как “уйти подальше и вернуться, когда всё само объяснится”, а это вам не понравится.

— Не понравится, — сказала Анна.

Тихон уже раскладывал схему местности.

— Тогда надо делить на этапы. Не всех сразу. И не в одинаковых задачах.

— Да, — кивнул Лев. — Проверка должна показать не только силу, но и предел. Иначе мы опять начнём верить в себя не там, где стоит.

Матвей тихо сказал:

— И нужно смотреть, как каждый действует рядом с чужим уязвимым местом. Поодиночке мы уже знаем себя хуже или лучше. Нам надо понять, как способности сталкиваются.

Эти слова попали точно.

Потому что почти каждый уже понял: проблема не только в том, что угроза сильна.

Проблема в том, что они сами могут усиливать слабости друг друга.

Анна провела ладонью по карте.

— Тогда так. Сначала быстрые проверки: восприятие, удержание, стабилизация, контакт, физическое вмешательство, теневое смещение, временное чтение, видение, поведенческий срыв сценария. Без героизма. Без самодеятельности. Каждый показывает не лучший образ себя, а реальную рабочую форму.

— Иными словами, — сказал Алексей, — сейчас все будут честно демонстрировать, где именно у них всё начинает ломаться.

— Именно, — ответила Анна.

— Очень воодушевляющий тимбилдинг.

Первая площадка для проверки нашлась прямо за павильоном — старая сервисная зона с бетонными плитами, металлическими опорами, разметкой, частично разрушенным ограждением и остаточным искажением пространства. Здесь воздух иногда дрожал, а звук на секунду запаздывал. В нескольких местах Тихон уже отметил мелом “безопасные” границы.

Небо над рекой оставалось ненормально светлым.

Все вышли наружу.

Павел оглядел площадку и коротко спросил:

— Кто первый?

— Не ты, — сказала Анна.

Он поднял брови.

— Почему?

— Потому что ты сразу превратишь проверку в штурм.

— Неправда.

Денис рядом тихо хмыкнул.

— Правда.

Павел бросил на него взгляд, но спорить не стал.

Анна посмотрела на Софию и Марину.

— Начнём с удержания человека в искажении восприятия. Там, — она указала на участок у ограждения, где воздух слегка рябил, — до сих пор возникает ложная глубина. Нужен доброволец.

— Я, — сразу сказал Алексей.

— Нет, — почти одновременно отозвались Катя и Лев.

Алексей уставился на них.

— Простите?

— Для первого теста не ты, — спокойно сказал Лев. —
Иначе мы опять не поймём, где искажение, а где твой собственный эффект.

— Прекрасно. Значит, я уже научная погрешность.

— Объективно — да, — заметил Игорь.

— Я начинаю подозревать, что ты получаешь удовольствие от моих страданий.

— Иногда интеллектуальное.

— Игорь, — холодно сказала Анна.

— Молчу.

Добровольцем неожиданно выступил Тихон.

— Давайте я. У меня достаточно цинизма, чтобы не впечатлиться первыми зрительными эффектами.

— Это очень плохой критерий, — сказала София.

— Но рабочий.

Марина подошла ближе к зоне ряби и посмотрела на Тихона.

— Как только начнёт плыть картинка, не спорь с ней. Говори, что видишь.

— Не спорить — это не совсем мой жанр.

— Тогда хотя бы не побеждай видение аргументами.

Тихон шагнул в зону.

Первые секунды ничего не происходило. Потом его плечи слегка напряглись.

— Так, — сказал он. — Интересно.

— Что? — спросила София.

— Пол под ногами уходит ниже. Нет, не так. Он... как будто показывает мне второй уровень. И лестницу. Здесь нет лестницы, но я её вижу.

— Смотри на меня, — мягко сказала София. — Не на лестницу.

— На тебя я и так смотрю. Но теперь ты стоишь сразу в двух местах, и одно из них осуждает меня сильнее.

Катя не удержалась от короткой усмешки.

София подняла ладонь. От пальцев пошло тёплое золотое свечение — не яркое, а спокойное, словно свет лампы в комнате, куда всегда можно вернуться. Марина тем временем начала говорить ровным, почти убаюкивающим голосом:

— Назови три вещи, которые ты знаешь точно. Не видишь. Знаешь.

Тихон моргнул.

— У меня мерзнут руки. Павел сейчас скажет, что я долго стою. Игорь делает умное лицо, потому что ему интересно, как я сломаюсь.

Игорь возмущённо поднял голову.

— Я не—

— Работает, — тихо сказала Марина. — Продолжай.

— София светит слишком спокойно, это нервирует. Алексей думает, что тоже бы справился. Марта делает вид, что её это не трогает.

Марта едва заметно прищурилась.

— Я не делаю вид.

— Конечно.

Рябь в воздухе стала слабее. Тихон выдохнул и сделал шаг назад.

— Неприятно, — признал он. — Но вытащить можно.

София опустила руку.

— Ограничение: если человек хочет спорить с видением, удержание занимает дольше.

Марина кивнула.

— И работает лучше, когда есть не просто свет, а простой личный якорь — факт, тело, голос, что-то несомненное.

Анна быстро записала.

— Хорошо. Значит, внутренний контур способен стабилизировать ложное восприятие на ранней стадии. Но?

София тихо закончила:

— Но не бесконечно. Если человек уже эмоционально захвачен тем, что видит, времени будет мало.

Марина добавила:

— И если в искажении окажется близкий ему образ, мы можем не успеть словами.

Все невольно вспомнили старика, рванувшего к умершей жене.

Площадка на секунду снова стала слишком тихой.

— Следующий, — сказал Павел.

— Ты всё-таки дождался, — заметил Денис.

— И что?

Анна посмотрела на них обоих.

— Хорошо. Физический контур. Но без удара по разлому. Там, у северной плиты, пространство время от времени выбрасывает ложный импульс — как будто что-то выходит в зону. Проверим реакцию силы без потери контроля.

— Переводя на человеческий, — сказал Алексей, — посмотрим, не снесёт ли Павел полрайона, если его напугать.

— Примерно так, — сухо ответила Анна.

Павел встал у отмеченной линии. Денис — чуть в стороне.

— Почему ты рядом? — спросил Павел.

— Потому что я буду тем, кто скажет тебе “стоп”, если ты забудешь, что это тест.

Павел усмехнулся краем рта.

— Очень вдохновляет.

Игорь активировал прибор, и через секунду над плитой дрогнул воздух. Сначала ничего. Потом в метре от земли возник белый разрыв — не полноценный, а скорее вспышка формы, похожая на плечо, руку, часть корпуса.

Павел среагировал мгновенно.

Слишком мгновенно.

Он рванулся вперёд так резко, что Денис даже не успел окликнуть. Удар был точным, быстрым, тяжёлым — и пришёлся не в центр вспышки, а чуть ниже, где в ту же секунду вместо фигуры проявилась металлическая стойка.

Глухой треск.

Искры.

Стойку вырвало из крепления.

— Павел! — резко крикнула Анна.

Он уже остановился, но слишком поздно. Стойка, уходя в сторону, потянула за собой кусок ограждения. Воздух в зоне искажения дрогнул сильнее, будто получил повод усилиться.

Денис мгновенно подскочил и схватил его за плечо.

— Вот об этом я и говорил.

Павел стиснул зубы.

— Я видел выход.

— Нет, — сказал Игорь, глядя в прибор. — Ты ударил на опережении до стабилизации формы.

— Потому что если бы это было реальным—

— Это не было реальным! — отрезала Анна. — И именно поэтому сейчас мы смотрим на предел, а не на победу.

Павел тяжело дышал. Потом коротко кивнул.

— Хорошо. Ещё раз.

— Нет, — сказал Денис.

Он вышел вперёд сам.

— Теперь я.

Павел недовольно посмотрел на него.

— Думаешь, покажешь лучше?

— Думаю, покажу по-другому.

Новая вспышка формы возникла уже левее. Денис не рванулся сразу. Сначала замер, будто считывал. Только когда фигура стала плотнее, сделал короткий шаг, ушёл вбок и перехватил траекторию без полного удара, больше вытесняя, чем ломая.

Форма схлопнулась почти сразу.

Анна зафиксировала результат.

— Быстрее потеря давления, меньше раскачка зоны.

Павел мрачно сказал:

— Зато если бы это был настоящий противник, он бы уже достал нож.

— Возможно, — спокойно ответил Денис. — А если бы это был ложный выход рядом с людьми, ты бы уже пробил стену в них.

Павел ничего не ответил.

Но для всех стало яснее: сила у них есть.

Проблема — в градусе.

— Тень, — сказала Анна, переводя взгляд на Марту.

— Как скучно официально, — тихо заметила та.

— Не жалуйся. Мы дошли до тебя без катастрофы.

— Это уже успех.

Для Марты выбрали другой участок — полосу между двумя контейнерами, где пространство не искажалось визуаль-но, но звук иногда расходился в две стороны. Здесь могли появляться скрытые карманы, то самое “между”, где она работала лучше других.

— Задача? — спросила Марта.

— Найти скрытый проход и выйти в точку, которую не видим мы, — сказал Лев. — Но сохранить связь.

Тихон хмыкнул.

— Вот это будет интересно.

Марта бросила на него взгляд.

— Ты снова готов считать секунды до моего исчезновения?

— Я готов считать секунды до момента, когда мы перестанем понимать, где ты на самом деле.

Она ничего не ответила. Просто шагнула в тень между контейнерами — и словно растворилась. Не мгновенно, не как фокусник. Скорее, пространство признало её присутствие не обязательным.

Секунда.

Две.

Три.

— Марта, — позвал Лев.

Тишина.

— Вот именно это я и ненавижу, — пробормотал Тихон.

Потом справа, у закрытой технической двери, раздался её голос:

— Здесь.

Все резко обернулись. Она стояла уже там, где секунду назад никого не было, и держала в руке старую ржавую связку ключей.

Катя моргнула.

— Откуда ты это взяла?

— Из кармана пространства, — спокойно сказала Марта.

— Это не ответ.

— Это самый точный ответ.

Игорь быстро просмотрел данные прибора.

— Она действительно не пересекала открытую траекторию.

— То есть я могу проходить там, где у вас нет непрерывной геометрии, — сказала Марта. — Пока есть тень, разрыв или неполное внимание пространства.

— Ограничение? — спросила Анна.

Марта медленно посмотрела на ключи, потом на всех.

— Чем сильнее эмоциональное поле вокруг, тем труднее держать направление. Если рядом слишком много страха, боли или чьего-то сильного ожидания, тень начинает вести не туда, куда иду я, а туда, где напряжение сильнее.

София нахмурилась.

— То есть в панике ты можешь выйти не в нужной точке.

— Да.

— Или в чужой, — тихо добавил Матвей.

Марта кивнула.

— Поэтому меня нельзя использовать как универсальный ответ на хаос. Только там, где есть внутренняя тишина или чёткая опора.

Тихон скрестил руки.

— Вот. Наконец-то сказано вслух. Ты не “вездеход”.

Она слегка усмехнулась.

— Зато я полезнее твоих карт в местах, где карты уже врут.

— К сожалению, да.

Это прозвучало почти как комплимент.

Проверка Лики проходила тяжелее всех.

Потому что каждый уже знал: она видит дальше. Но никто не был уверен, как долго это остаётся силой, а не раной.

Для неё выбрали место у кромки ряби, где можно было считать варианты, но не входить в них телом.

Ли́ка встала с блокнотом, сжала карандаш так, что пальцы побелели, и закрыла глаза.

— Только не давите, — тихо сказала София.

— Мы не давим, — ответила Анна.

— Нет, вы давите уже тем, что ждёте результата.

Это было сказано без упрёка. Просто как факт.

Все замолчали.

Через несколько секунд Ли́ка начала говорить:

— Вижу три линии. Нет, уже четыре. На первой мост держится ещё час. На второй обваливается левая опора. На третьей люди начинают видеть друг друга не теми. На четвёртой...

Она запнулась.

— Что? — мягко спросил Лев.

— На четвёртой мы успеваем понять что-то важное раньше, чем очагов станет больше.

— Что именно? — быстро спросил Игорь.

Лица зажмурилась сильнее.

— Не вижу. Слишком много вас хотят знать сразу. Всё путается.

Потом она резко открыла глаза, отшатнулась и чуть не выронила блокнот.

Марина подхватила её под локоть.

— Лица.

Та тяжело дышала.

— Я не могу долго. Когда вариантов больше трёх-четырёх, я перестаю различать, где вероятность, а где уже страх того, кто смотрит со мной.

— Чей страх? — спросил Денис.

Лица с трудом сглотнула.

— Ваш. И мой. Всё смешивается.

Анна быстро зафиксировала:

— Значит, сильная сторона — раннее предупреждение о развилках. Ограничение — перегрузка при многослойной неопределённости и эмоциональном давлении группы.

Лица слабо усмехнулась.

— Так приятно слышать, как твою нервную систему превращают в рабочую характеристику.

— Это нужно не для отчёта, — тихо сказала София. — Чтобы тебя не сломать.

Лица посмотрела на неё с благодарностью, но ничего не сказала.

Матвея проверяли не на силе, а на времени.

Самое неприятное из всех направлений.

Он подошёл к площадке у срезанной стойки, которую до этого повредил Павел, и положил ладонь на перекошенный металл. Все знали: он не любит такие контакты. Слишком много прошлого в них всегда просыпается.

— Если почувствуешь, что идёт глубже, останавливайся,
— сказал Лев.

Матвей кивнул, не отрывая взгляда от стойки.

Через несколько секунд лицо его изменилось — не сильно, но достаточно, чтобы София напряглась.

— Что ты видишь? — спросил Игорь.

— Не вижу. Слышу последовательность, — тихо ответил Матвей. — Здесь уже есть наложение. Удар Павла произошёл не один раз.

Павел нахмурился.

— Что это значит?

— Это значит, что в одной версии ты попал в стойку. В другой — в пустой импульс. В третьей вообще не ударил, потому что Денис остановил тебя раньше. Все три следа ещё спорят, какой из них настоящий.

Тихон выругался себе под нос.

— То есть даже локальное действие уже размножается.

Матвей убрал руку, будто металл стал слишком горячим.

— Да. И ещё одно.

— Что? — спросила Анна.

— Разлом любит места, где решение было резким. Чем сильнее импульс “действовать немедленно”, тем легче ему распараллелить последствия.

Павел недовольно скрестил руки, но ничего не сказал.

— Ограничение? — уточнила Анна.

Матвей посмотрел на свою ладонь.

— Я могу читать только там, где след ещё не умер. Но если держать контакт дольше, начинает тянуть назад. Не в воспоминание. В соблазн исправить.

На последнем слове в голосе его прозвучало что-то настолько тяжёлое, что никто не стал задавать лишних вопросов.

Лев тихо сказал:

— Значит, твоя граница — не время, а искушение.

Матвей кивнул.

— Да.

Когда очередь дошла до Алексея, атмосфера снова изменилась.

Не потому, что он был сильнее всех.

И не потому, что уже успел что-то доказать.

Потому что никто до конца не понимал, как вообще это проверять.

Алексей обвёл всех взглядом.

— Я так понимаю, теперь начинается раздел “попробуем аккуратно толкнуть реальность человеком, который и сам не знает, как это делает”.

— Примерно, — сказал Игорь.

— Ненавижу, когда ты отвечаешь честно.

Анна подошла ближе.

— Мы не будем заставлять тебя “повторить эффект”. Но попробуем проверить, как разлом реагирует на разные типы твоего выбора.

— То есть вы всё-таки построили лабораторию из моего характера.

— Не преувеличивай.

— А я думаю, наоборот, преуменьшаю.

Катя встала рядом с ним.

— Что нужно?

Игорь показал на три отмеченные точки у искажённой зоны.

— В каждой будет маленькая ситуация выбора. Не опасная по-настоящему. Но с разной логикой. Мы посмотрим, где отклик сильнее.

— Это уже звучит как психологический эксперимент над крысой, — сказал Алексей.

— Ты не крыса, — тихо сказала Марина.

— Спасибо, Марина. В нашей команде ты отвечаешь за человечность, да?

— Иногда.

Первая точка была простой: короткий путь через дрожащую плиту или обход по безопасному кругу. Алексей даже не задумался — обошёл.

Приборы почти не отреагировали.

Вторая — помочь удержать разболтавшуюся стойку или сначала вывести из зоны растерявшуюся Лику, которую попросили сыграть растерянность в контрольной точке. Алексей сразу пошёл к Лике.

И здесь прибор Игоря дёрнулся.

Не сильно. Но явно.

Третья ситуация придумалась спонтанно.

Потому что как только Алексей сделал шаг к Лике, у кромки ряби неожиданно образовался настоящий выброс. Не учебный. Не имитация.

Белая вспышка прошла по земле, и на секунду рядом с павильоном как будто открылся коридор в другую версию площадки. Там, по ту сторону дрожащего воздуха, все увидели что-то похожее на мост уже после полного обвала.

А в самом центре вспышки — мальчика.

Того самого, которого Марина успокаивала раньше.

Он стоял не здесь. Но и не там. Между.

— Это не часть теста! — резко сказала Анна.

Марина побледнела.

— Он был внутри! Я оставила его с людьми у машины!

Мальчик смотрел в пустоту и медленно шёл к светлому

провалу, будто видел там кого-то знакомого.

— Назад! — крикнул Павел и бросился вперёд.

Но Лев резко выставил руку.

— Стой!

— Он сорвётся!

— Если ударишь в лоб, раскроешь коридор шире!

Секунда.

Слишком короткая для обсуждения.

Слишком длинная для бездействия.

Все посмотрели на Алексея.

Не потому, что решили за него.

А потому, что это стало уже инстинктом новой логики: когда разлом строит ловушку выбора, его нельзя завалить коллективной реакцией сразу.

Алексей тихо выругался.

— Ну конечно. Почему бы и нет.

Катя шагнула к нему.

— Я рядом.

Он кивнул, не глядя.

— Нет. На этот раз — придержи остальных.

Она замерла.

— Что?

— Если я пойду, и все рванут следом, это опять станет общим давлением. А не выбором.

Лев внимательно посмотрел на него.

Потом коротко сказал:

— Верно.

Катя стиснула зубы, но не стала спорить.

Мальчик сделал ещё шаг к провалу.

Воздух вокруг него зазвенел тонкими стеклянными нотами.

Алексей пошёл к нему.

Не быстро.

Не осторожно.

Просто прямо.

— Эй, — сказал он.

Мальчик не обернулся.

— Слушай. Я не знаю, кого ты там видишь. Но это точно не тот, кто тебя отсюда выведет.

Никакой реакции.

— Отличное начало, — пробормотал Тихон.

Алексей сделал ещё шаг.

— Знаешь, что меня больше всего бесит? Все вокруг почему-то уверены, что я должен понимать, как это работает. А я не понимаю. Я просто вижу, что это место врет.

Мальчик чуть замедлился.

Марина шёпотом сказала:

— Он его слышит.

Алексей продолжил:

— И если ты сейчас пойдёшь туда, оно решит, что можно брать всех, кто хочет простого ответа. А мне и так проблем хватает.

Денис тихо хмыкнул.

— Он разговаривает с ребёнком как с соучастником.

— Нет, — едва слышно сказал Лев. — Он отказывается говорить сверху вниз.

Алексей подошёл ещё ближе. Теперь между ним и мальчиком оставалось два шага и слой дрожащего воздуха.

— Я не скажу тебе “не бойся”, — сказал он. — Это глупо. Я бы на твоём месте тоже боялся. Но пойдём отсюда вместе, пока эта штука не решила, что ты ей подходишь.

Мальчик медленно обернулся.

И в тот же миг вспышка коридора дёрнулась.

Не схлопнулась.

Скорее — вздрогнула, как что-то, что не ожидало именно таких слов.

Игорь уставился в прибор.

— Есть реакция.

— Какая? — спросила Анна.

— Коридор теряет приоритетную форму. Он не понимает тип обращения.

Алексей протянул руку мальчику.

— Давай. Только не потому, что я знаю, как правильно. А потому, что я тоже не люблю, когда за меня решают странные сущности.

Мальчик моргнул.

Посмотрел на руку.

И вложил свою ладонь в его.

Белый провал дёрнулся сильнее.

Пошёл рябью.

На секунду все увидели в нём лицо — не двойника, а кого-то без чётких черт, словно сам коридор пытался обрести собеседника и не успел.

Потом воздух схлопнулся.

Тишина ударила сильнее звука.

Марина сорвалась с места первой, подхватила мальчика, увела его к себе. София сразу накрыла их мягким светом. Павел медленно выдохнул так, будто только сейчас вспомнил, что умеет не двигаться. Катя подошла к Алексею почти вплотную.

— Ты цел?

— Это начинает становиться слишком популярным вопросом.

— Ответ нормально.

Он коротко кивнул.

Игорь уже шёл к ним.

— Всё. Теперь точно.

— Что “точно”? — спросила Анна.

Он показал экран.

— Его эффект усиливается не просто в момент непросчитываемого выбора. А в момент честного контакта без роли. Когда он не спасает “как герой”, не убеждает “как лидер”, не командует “как сильный”, а действует как человек, который не прячет неопределённость.

Марта тихо сказала:

— Вот почему разлом так хотел создать его двойника. Не силу без линии. А выбор без живой уязвимости.

Матвей мрачно кивнул.

— Да. Свободу без совести. Решение без боли. Действие без цены.

Лев посмотрел на Алексея с новой, уже почти тяжёлой ясностью.

— Значит, вот твоя настоящая сила.

Алексей устало провёл рукой по лицу.

— Прекрасно. Я побеждаю апокалипсис, признавая, что сам ничего толком не понимаю.

— Не побеждаешь, — спокойно сказал Денис. — Пока только мешаешь ему стать слишком уверенным.

— Уже неплохо, — заметил Тихон.

Анна закрыла блокнот.

— Итак. Проверка завершена.

— Нет, — тихо сказала Лика.

Все обернулись к ней.

Она смотрела не на них, а куда-то за их спины. На реку. На мост. На небо.

— Почему нет? — спросила София.

Лика медленно подняла дрожащую руку и указала вперёд.

Там, в отражении воды, где ещё секунду назад были только бледные полосы света, теперь стояли фигуры.

Много фигур.

Не совсем люди.

Не совсем тени.

Словно сами ограничения каждого из них получили форму.

Одна фигура двигалась слишком резко, как непрерывный удар.

Другая распадалась на несколько маршрутов сразу.

Третья шла из тени не туда, куда смотрели глаза.

Четвёртая была соткана из чужих лиц и ложных воспоминаний.

А в центре — снова человек с лицом Алексея.

Но теперь он был не один.

Лица прошептала:

— Оно проверяло не нас.

По спине у многих прошёл настоящий холод.

— Что ты хочешь сказать? — медленно спросил Лев.

Лица повернулась к нему. В глазах её был уже не просто страх, а понимание.

— Пока мы проверяли свои способности... катастрофа проверяла наши пределы. И теперь знает, чем каждым из нас бить.

Над рекой свет резко усилился.

Фигуры в отражении подняли головы почти одновременно.

И Павел первым произнёс вслух то, что остальные уже поняли:

— Это была не подготовка.

Денис закончил за него:

— Это была разведка с обеих сторон.

Алексей смотрел на своего отражённого двойника и чувствовал, как внутри поднимается то самое тяжёлое, знакомое уже ощущение: они успели узнать что-то важное.

Но и их тоже успели прочитать.

А потом отражение чужого Алексея медленно подняло руку и коснулось собственного горла — будто показывало, куда будет следующий удар.

И только Марта едва слышно сказала:

— Нет. Не по горлу.

Катя повернулась к ней.

— Тогда куда?

Марта не сводила взгляда с воды.

— По доверию.

И в тот же миг отражения в реке исчезли, словно их там никогда не было.

Только мост дрожал сильнее прежнего.

И воздух вокруг павильона уже начинал напоминать не место после первой катастрофы —

а порог перед следующей.

Глава 10. Первые ошибки

После того как отражения в реке исчезли, никто не произнёс сразу ни слова.

Слишком многое стало ясно.

И слишком мало — пригодно для немедленного спасения.

Павильон уже не казался укрытием. Скорее временной перегородкой между двумя ударами. За окном мост всё ещё дрожал в нескольких версиях себя, а воздух над водой иногда рассекали короткие белые вспышки, будто сама реаль-

ность судорожно пыталась зашить собственный разрыв.

Анна первой вернулась к движению.

— Внутрь, — сказала она. — Сейчас.

На этот раз никто не спорил.

Они снова собрались вокруг стола — быстрее, жёстче, ближе друг к другу, чем прежде. На карте уже горели не только очаги, но и новые локальные сбои вокруг района моста. Игорь увеличивал масштаб один за другим, пока экран не превратился в паутину красных и белых меток: развязка, подстанция, городской тоннель, набережная, больничный блок, жилой квартал у воды.

Алексей посмотрел на карту и медленно выдохнул.

— Только не говорите, что всё это началось за последние пять минут.

— Не всё, — ответил Игорь. — Часть уже была на грани. Мы просто подсветили систему.

— Очень утешает, — пробормотал Алексей.

Лев смотрел на схему молча.

Потом сказал:

— Оно реагирует на наше понимание быстрее, чем я надеялся.

— А я, наоборот, надеялась, что ты ошибаешься, — сухо отозвалась Анна.

Тихон быстро водил пальцем по карте.

— Подождите. Смотрите сюда. Три ближайших узла не просто мигают. Они будто перекидывают напряжение друг

другу.

— Да, — сказал Игорь. — Похоже на перераспределение.

— Проще, — попросила Марина.

Анна ответила за него:

— Если мы слишком жёстко стабилизируем один локальный разрыв, давление может уйти в соседние слабые точки.

Денис нахмурился.

— То есть мы не тушим пожар. Мы давим на одну часть льда, и трещина идёт в другой.

— Именно, — кивнул Матвей.

Павел коротко спросил:

— Тогда что делать? Стоять и смотреть?

— Нет, — ответил Лев. — Но действовать так, будто у каждого движения есть тень.

Алексей тихо усмехнулся.

— Очень хороший лозунг для конца цивилизации.

Катя посмотрела на него.

— Ты устал.

— Да.

— Тогда не шути слишком часто.

— Тогда я совсем начну нервничать вслух.

Анна уже перестраивала карту.

— Слушайте внимательно. У нас три ближайших локальных угрозы. Первая — развязка в километре отсюда: машины начинают видеть разные сигналы, возможен каскад аварий. Вторая — подстанция у больницы: если она уйдёт в

разлом, отключится питание в реанимации и системе жизнеобеспечения. Третья — жилой дом на набережной: там люди уже видят ложную эвакуацию и могут рвануть вниз по аварийной лестнице, которой в одной из версий дома уже нет.

София побледнела.

— Люди...

— Да, — резко сказала Анна. — Люди везде. И у нас нет возможности быть идеальными.

Повисло то самое молчание, которое приходит перед плохим выбором.

Павел нарушил его первым:

— Берём больницу.

Марина сразу подняла голову.

— Почему?

— Потому что если там отключится реанимация, у нас будут реальные смерти в ближайшие минуты.

— А если на развязке столкнутся автобусы? — возразила Катя.

— Или люди посыплются с лестницы? — тихо добавила София.

Павел посмотрел на всех жёстко и прямо.

— Я не говорю, что остальное не важно. Я говорю, где цена ошибки будет мгновенной и необратимой.

— Она везде необратимая, — сказала Марина.

— Не одинаково.

— Ты снова начинаешь считать чужую беду в категориях

допустимой потери, — негромко сказал Денис.

Павел резко повернулся к нему.

— А ты снова делаешь вид, будто у нас есть чистые решения.

— Нет. Я делаю вид, будто цена “не туда пошли” будет не только в цифрах.

Лев поднял руку.

— Хватит. Нам нужно не выбрать “что важнее”, а понять, как вмешаться так, чтобы не обрушить остальное.

Тихон ткнул в экран.

— Возможно, никак.

Все посмотрели на него.

— Объясни, — сказала Анна.

— Эти три узла связаны не просто близостью. Они образуют треугольник напряжения. Развязка — массовый выбор. Больница — цена задержки. Дом — паника и доверие к ложному пути. Если мы войдём силой в один, два других могут раскачаться.

— Прекрасно, — сказал Алексей. — Значит, у нас выбор между плохим, плохим и очень концептуально плохим.

Марта, стоявшая у окна, тихо сказала:

— Тогда надо действовать не силой. Приоритет должен быть не “где ударить”, а “где не дать сценарию замкнуться”.

Анна быстро уловила:

— Что именно ты имеешь в виду?

— Угроза строится на готовых цепочках. Ошибка. Па-

ника. Реакция. Массовое движение. Обвал. Если разорвать цепь в точке, где она уже почти сомкнулась, может не потребоваться лобовая стабилизация.

Игорь задумался.

— Это... возможно.

— Слишком расплывчато, — буркнул Павел.

— Зато умнее, чем снова бить в центр, — холодно сказала Марта.

Павел сжал челюсть, но промолчал.

Анна приняла решение быстро:

— Хорошо. Первый ход — распределённый. Не три полноценные группы, а три малых вмешательства с общим координационным контуром. София и Марина — жилой дом. Павел и Денис — развязка. Я, Игорь и Матвей — подстанция. Лев удерживает общую связь. Тихон помогает по логистике и безопасным маршрутам. Марта работает между точками, если начнутся скрытые сдвиги. Катя и Алексей...

Она запнулась на долю секунды.

— С нами? — спросил Алексей.

— Пока в резерве.

Он сразу помрачнел.

— Снова?

— Не “снова”. Осознанно, — отрезала Анна. — Мы ещё не знаем, на какой узел твой эффект подействует сильнее. Если бросим тебя в первую попавшуюся дыру, можем потерять единственный непредсказуемый фактор раньше време-

ни.

Павел коротко кивнул.

— Разумно.

Но Алексей уже смотрел не на него, а на Льва.

— И ты согласен?

Лев ответил не сразу.

— На первый ход — да.

— Прекрасно, — тихо сказал Алексей. — Когда всё становится страшно, вы опять решаете, что моё лучшее применение — подождать.

Катя шагнула ближе к нему.

— Алексей—

— Нет, всё нормально, — он усмехнулся краем губ, но в этой усмешке уже почти не было тепла. — Я же понимаю. Как только начинается настоящая угроза, вы снова хотите держать меня как запасной ключ за стеклом.

София тихо сказала:

— Сейчас не об этом.

— Нет, именно об этом, — ответил он.

Но времени спорить уже не было.

Потому что в тот же момент экран Игоря вспыхнул резким красным.

— Развязка ускоряется, — сказал он. — И больница тоже.

Анна рванулась первой.

— Всё. Пошли.

Они разошлись слишком быстро.
Вот в чём была первая ошибка.
Не в расчёте.

Не в намерении.

Не даже в выборе целей.
В темпе.

Каждый понимал, что времени мало, и потому движение стало реакцией, а не общим дыханием. Слова не были проговорены до конца. Ограничения не были повторены вслух. И самое главное — все слишком хотели успеть раньше катастрофы, а значит, уже начали играть по её ритму.

Павел и Денис уехали первыми на служебной машине, Тихон передал им через связь безопасный коридор движения.

София и Марина ушли пешком к набережной через дворы, где уже слышались крики и хлопанье дверей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.